

ИРИНА НОГИНА

А мы всё так же жизни главные герои

ВНОВЬ ОБРЕТЕННАЯ БЛИЗОСТЬ
ВЫМЕНИВАЕТ ТАЙНЫ, КОТОРЫЕ
СКРЫВАЕШЬ ДАЖЕ ОТ СЕБЯ

Ирина Ногина

**А мы всё так же
жизни главные герои**

«Издательские решения»

Ногина И.

А мы всё так же жизни главные герои / И. Ногина —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-857031-5

В школе они были лучшими подругами, но с тех пор не виделись пятнадцать лет. Лолита успела выйти замуж за американца и развестись, Тамара построила завидную карьеру, у Маши полноценная семья, а Зоя неустанно обогащала внутренний мир. При встрече им предстоит рассказать о своих мужчинах, похвастаться достижениями, поделиться тревогами и переосмыслить прошлое. Но готовы ли они погрузиться в дебри чужой души, где рискуешь наткнуться и на запретный плод, и на волшебный источник, и на дикого зверя. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-857031-5

© Ногина И.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Маша	6
Конец ознакомительного фрагмента.	36

А мы всё так же жизни главные герои

Ирина Ногина

© Ирина Ногина, 2020

ISBN 978-5-4485-7031-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Маша

(у которой всё началось или, точнее, начало продолжаться...)

В недрах сумки завибрировал смартфон. В то же мгновение квелия глыба бабушкиного тела, вялящаяся на смертном одре, затихла, оторопела. Сумка назойливо дрожала в изножье кровати, слишком далеко, чтобы дотянуться рукой. Бабушка совсем не двигалась, только пыхтела, чуть оттопыривая верхнюю губу при выдохе. Зоя не шелохнулась, заторможено глядя на её хлопковую ночнушку, белую в салатовую крапинку, на расплывшийся по груди подбородок, тоже салатовый, как и лицо, на закрутившиеся кончики каштановых, не так давно – с месяц тому назад – окрашенных, но уже безжизненных, волос. Боль во плоти, волею случая, раздобренного морфином, притупившаяся. Не мечется – и на том спасибо.

Когда смартфон перестал, Зоя просидела, не двигаясь, ещё минуту – убедиться, что приступ миновал, потом встала, потрогала бабушкин пульс, вытерла пот со лба и расправила простыню, прикрыв зачем-то свисающую вялыми гроздьями грудь. Подобрала сумку, остановилась на пороге, вернулась к постели, неловко перегнувшись через бабушку, торопливо трижды перекрестила её и выбежала из комнаты.

В конце коридора, перед кухней, смартфон завибрировал. Зоя сунула руку в сумку. Взвизгнула змейка. Она увидела собственные пальцы, вытягивающие из пачки сигарету, и отметила, что они трясутся. Это на долю секунду отвлекло её, и руки вопросительно поникли. В маленькой комнате прокашлялся дед. Глухо, с усилием. От этого скрипнул диван под ним. Ещё скрипит. Похоже, перевернулся. Или встаёт.

Зоя выудила смартфон, в три прыжка через кухню очутилась на балконе, притворила дверь, прислонила устройство к уху и, настроив тон вопросительной беспечности, дакнула.

– А-лё, – давний голос. Матовый. Чуть притомленный. Знакомый более чем просто хорошо. Но забытый. Аукающий через щели по ту сторону памяти. Самодовольный и самоуверенный. Симметрично разрубивший слоги, не позволив им совсем распасться за счёт подвешивания – мастерски, ювелирно – на соломинку альтового эха. – Это я. Ты меня узнала?

– Ага, – это был отнюдь не неожиданный звонок. Но невидимая, недооценённая – как мощь волны – масса этого голоса ударила её под коленки, и голова как-то странно запрокинулась, выливая всё, что там квасилось последние дни или недели. – С приездом тебя, – сказала Зоя.

– Спасибо, лапа, – улыбочиво хмыкнул смартфон. – Зоель, я звоню узнать, на каком ты этапе? И сможешь ли ты захватить кой-чего в магазине? Рядом с Машей, в трёх кварталах. Мы уже все на месте. А нет белого вина. Ты возьмёшь? Я тебе скажу, какое.

Зоя выдохнула, отрешённо глядя во двор, в поисках моста к той реальности, которую озвучивал смартфон.

– Так на каком ты этапе – ты так и не ответила, – продолжала Лолита в смартфоне. – Ты уже вышла?

– Нет... Пока ещё нет... – Зоя закурила и стала нервно стеречь взглядом кухонную дверь, опасаясь, как бы дед не засёк её, если вдруг появится. – Я всё куплю. Говори, какое вино.

– Когда это будет? Зоель, ты скоро вообще?

– Скоро, скоро, дайте мне несколько минут кое-что уладить. Я перезвоню, – Зоя заметила деда, входящего в кухню, судорожно выбросила с балкона недокуренную сигарету, несколькими взмахами разогнала дым и отключилась.

Дед замешкался у плиты, громыхнул кастрюлями, потом толкнул балконную дверь, сума-тошливо – яростный взгляд строго прямо – выскочил на балкон и замер. Секунда, и он с негромким хлопком выпустил газы. Потом заметил Зою.

– Уже уходишь? – спросил он.

– Да, нужно уходить, – сказала Зоя, отступив немного, чтобы он не почувствовал никотиновую вонь, исходящую от неё. – Я сейчас позвоню маме, чтобы она меня сменила.

– Зачем? – удивился дед. – Я же никуда не уйду.

Зоя смерила его тревожно-оценивающим взглядом.

– Не беспокой маму, не нужно, – махнул рукой дед. – Иди, куда тебе надо, – и вернулся в кухню, потоптался там возле холодильника, ушёл.

Зоя позвонила маме.

– Ну, как там? – спросила мама. Повинующийся долгу, оторванный от какого-то занятия голос.

– Уснула, – сообщила Зоя. – Минут пять как. До этого с час металась и кричала. Болит сильно.

– Жаловалась, да? – с мукой в голосе спросила мама.

– Нет, она не жаловалась, – Зоя почти приняла решение сходить за ещё одной сигаретой. – Она, мама, уже два дня ничего не говорит. Она без сознания.

– Как без сознания? – испугалась мама.

– Взгляд мутный. Ни на что не реагирует. Ничего не воспринимает.

– Господи, – вздохнула мама. – Ну, ты крепись.

– Мама, Lolita приехала. Из Америки, – сказала Зоя. – Девочки собрались. Я тоже хочу съездить.

– Подожди, какая Lolita? – с протестующим оживлением воскликнула мама.

– Оля Грайлюк. Которая в Америку уехала после школы.

– И что? – не понимала мама.

– Вот теперь она приехала. И мы все собираемся. Оля, Маша, Тамара и я. Девочки уже встретились. Ждут меня.

– Так, – мама уже поняла, но ещё не нашла, за что ухватиться, чтобы не угодить в ловушку.

– Какие у тебя планы? Ты можешь приехать, побыть здесь вечером?

– Ммм... Честно говоря, у меня есть одно дело... А дедушка там?

– Здесь.

– Думаешь, он не справится?

Зоя промолчала.

– Если, ты говоришь, бабуля уснула, зачем специально кому-то быть? Я завтра утром приеду. А ты когда вернёшься? Поздно?

Во дворе заверещал ребёнок, года два, – мать, худая носатая блондинка, насильно вела его от горки.

– Хорошо, – сказала Зоя. – Договорились.

– Дед же справится, да? – подхватила мама.

Дед, оказывается, не ушёл в свою комнату. Притаился в коридоре.

– Уже уходишь? – сделал вид, что роется в шкафчике.

– Да, – сказала Зоя, записала два номера в телефонную книжку. Крупные разборчивые цифры. Вырвала лист, показала деду. – Если ей станет плохо, позвони мне. Только эти цифры. Никаких восьмёрок. Никаких девяток. Вот это – на всякий случай, номер врача. Я на всякий случай оставляю, но ты не звони ему. Звони мне, а я дальше сама. Если видишь, что совсем плохо, звони в скорую. Как в скорую звонить – знаешь?... – Зоя добавила ещё один номер,

внизу листочка, чуть мельче, зато навела для жирности. – Если станет совсем плохо – позвони сначала в скорую, потом мне. Хотя бы мне позвони. Хорошо?

– Зоя, смотри, – дед вытащил из ящика сложенную вдвое бумажку – не напрасно-таки рылся там. – Счёт пришёл. Я ничего тут не понимаю.

Зоя выхватила у него, всмотрелась.

– Хорошо, я всё поняла.

– Там написано, что я должен...

– Да, это за отопление. За весь год. Поэтому так дорого. Я положу вот здесь, – Зоя спрятала счёт под телефон. – Потом заберу. Ты только не перекладывай никуда. Ты понял, как мне звонить?

– Понял, – сказал дед без должной убедительности.

– Тогда я пошла, – Зоя вдруг сорвалась с места, рысцой пробежала коридор и свернула в бабушкину спальню.

Дышит. Похрипывает. Басовый ключ. Стон бемоль мажор. Бок вздымается, как волыночные меха.

Зоя глянула на табло электронных часов (ими три недели назад, за день до первого приступа, заменили прежние бабушкины, лет тридцати от года производства, которые своим тиканьем усугубляли бабушкину бессонницу). Встреча назначена пятнадцать минут назад. Взять такси? Бред. Ещё минут пятнадцать прождать, назад ехать – снова минут пятнадцать ждать такси. А если понадобится срочно вернуться? Значит, за руль. Заодно и вопрос с алкоголем решается. Удержаться, чтобы не напиться – проблема, которая в связи с сегодняшним вечером вызывала у Зои большую озабоченность. Не дай Бог, что с бабушкой.

Стоило Зое очутиться на площадке перед лифтом, скрипнула и отворилась соседская дверь. Стоят вдвоём на пороге. Она – толстая, с белой, туго натянутой кожей, короткие тускло-чёрные, как будто запыленные, волосы в разные стороны – похоже, никогда их не расчёсывает. Полосатая футболка обтягивает мощный живот, разделённый на ярусы врезавшейся резинкой от юбки. Поверх футболки фартук, весь в коричневых пятнах от чего-то, по-видимому, жирно-жареного. Держит за руку чахлое своё чадо. Уставились на Зою одинаково чёрными, запуганными, кровожадными глазами.

Зоя быстро повернула ключ в замке, прошла к лифту, не здороваясь. Как назло, перехватили лифт. Он взвыл и понёсся сверху вниз.

Кашлянула, привлекая внимание. Авось, не заметили. Зоя не шелохнулась.

– Ну что, померла? – с истовым любопытством.

Зоя не отвечала.

– Нет ещё, значит, – злорадно. – А я думала, всё, померла. Тишина какая. Я думала, не дождёмся тишины. Усыпили, значит, как-то.

Зоя не реагировала. Лязгнули двери на первом этаже – так и есть, кто-то вызвал подниматься.

– Усыпили бы её совсем, – продолжает нравоучительно. – Слышишь, Зойка? Подойди тихонько, возьми за горло, сожми на минутку. За что вы её мучаете? За что нас мучаете? Ребёнка моего. Себя же мучаете. А не можешь так – сходи в церковь помолись, чтоб Бог ей смерть послал. Нету сил это слушать. У меня ребёнок. Пожалейте её, себя и всех вокруг.

Лифт ползёт вверх, натужно скрипя. Зоя покачала головой.

– Ни капли у тебя сострадания, – подумала. Нет, сказала. Растяпа.

А той того и надо. Того и ждала. То и выманивала.

– Сострадание? – жадно гавкнула. – Ты мне говоришь про сострадание? Старухе восемьдесят лет. Великое дело – помирать. Ты моего ребёнка видела?

Зоя покосилась на несчастного – увидеть, как он поведёт себя при этих словах. Никак. Смотрит, мигает. За её руку крепко держится. Безрадостный взгляд с невнятным вопросом.

ДЦП у него. Перекошенный позвоночник. Одна нога короче другой. Она его пыталась лечить. Деньги собирала. Волонтеры по квартирам ходили, акции благотворительные устраивали. Операцию какую-то должны были делать. Или сделали. Сделали. Да как-то безграмотно. Другой врач сказал, всё неправильно. Надо ещё собирать, втрое больше, чтоб правильно лечить. Она ещё собирала. И ездила в какие-то центры. Но лучше не стало. Говорила бабушке, что всё без толку. Давно надо было, лет пять назад, делать операцию. А теперь уже поздно. Что-то там в костях безвозвратно состоялось.

– У них пенсия в восемьдесят лет в два раза больше, чем у моего ребёнка. До восьмидесяти лет дожили в трёхкомнатной квартире. С салями да маслинами. Дети и внуки на тот свет провожают. Сострадания от других требуют.

Погасла кнопка лифта. Зоя спохватилась, нажала. Кажется, идёт.

– А мой ребёнок тысячу гривен получает. Кому он должен сострадание? Кому я должна? Когда я сдохну, у кого ему требовать сострадания, ты мне скажи? Кто ему салями будет носить по средам, а? Социальная служба, может быть? А за какие шиши моему ребёнку пенсию платить и салями носить, если вы налоги не платите? Так, может, ты будешь носить? За те налоги, что ты не платишь. А не платишь же! За какие шиши лечить? Я на лекарства обезболивающие полтысячи трачу. Ты представляешь, как с такой спиной жить? И когда бабка орёт без умолку. Сострадание! Да имела бы ты хоть каплю этого сострадания, давно бы её придушила!..

Дверь лифта закрылась, и Зоя провалилась, наконец, сквозь землю.

Кто-то неудачно припёр её опель, пришлось покрутиться, пока выбралась.

Маша жила в частном секторе на окраине – лет десять тому назад иметь дом в этом районе считалось признаком зажиточности. Сегодня спросы сместились чуть севернее и ближе к морю – на первые, вторые, третьи линии от воды, но тогда всех почему-то манило именно Царское село. Машины родители в своё время владели здесь несколькими участками, очень выгодно распродали их, оставив один себе, и ещё один – презентовав чете Пресновых, когда Маша выходила замуж за Серёжу.

Серёжа был Машиным тренером по теннису (которым Маша занималась пять лет, совпавших с её учёбой на факультете романо-германской филологии), и Машин отец скептически оценивал как искренность Серёжиных чувств к единственной своей дочери, так и его финансовые перспективы. Он отнюдь не ждал, что через пять лет после свадьбы зятю удастся отстроить на этой лужайке двухэтажный дом по новому слову жилой архитектуры, ладный и светлый, в удобстве планировки и внешнем оформлении весьма превосходящий его собственный угловатый особняк. Сегодня у Серёжи современный спорткомплекс с теннисным кортом, грамотная реклама и репутация образцового семьянина, а у Маши – две Серёжиных дочери, круглосуточная няня, две помощницы по дому и стратегический запас социальной ответственности.

Завернув в посёлок, Зоя стала вспоминать, когда была здесь в последний раз. Года три назад. Чуть меньше. На Машином тридцатилетии. В марте. Был пир на весь мир. Зоя осталась ночевать и на следующий день, когда гости разъехались, они разговорились по душам. А до этого не виделись лет пять – с последнего приезда Лолиты.

Маша Кузнецова. Первый класс гимназии. В русую косу вплетена алая лента. Огромные серые глаза. Плечи расправлены, подбородок вверх. Стоит особняком. Смотрит насто-роженно. Никого не знает – она кончала другую начальную школу, чем большинство из этого класса. Шёлковая белая блузка плоско в том месте, где спустя десять лет обрисуеться – на зависть однокурсницам – покатаая мягкая плотность. Длинные ноги с сильно выступающими коленями в капроновых колготах телесного цвета. Чёрная юбка, идеально выутюжен-ные складки. Рядом мама, то и дело приглаживает или заправляет за уши выбивающуюся из косы молодую поросль по краю лба и на висках. Яркая, нетрадиционно для той эпохи ухо-женная женщина. Не слишком, как теперь стало понятно Зое, красивая. Но безупречно себя

несущая. Простушки-училки перед ней робели. Мамаши оборачивались ей вслед. Лолита, в то время ещё Оля, тут как тут: новая девочка. «А как тебя зовут? А из какой школы ты к нам? А это твоя мама? А как её зовут?».

На Машином тридцатилетии запомнилась Тамара. Но очень коротко. Вскользь. Ничего толком не удалось выяснить. Только что-то про работу, которой Тамара очень довольна. Богатое какое-то предприятие. И она там на хорошем счету. А замужем ли? Не обсуждали. Одета была дорого. Волосы прямые, одинаковой длины, собраны в хвост, никаких завитушек, никаких блестящих заколочек. Профессиональный макияж. Атласное платье с умеренным декольте. Очень короткий и очень чёткий образ, без истории.

Зоя почувствовала сладковатое предвкушение. Сейчас-сейчас она всё о них узнает. Семь лет. Она не видела Лолиту больше, чем семь лет.

«Давай с тобой выпьем. Нет, Зоя, перестань гнать, послушай меня, – Оля, покачиваясь, возвышается над ней, дрыгающей на песке и пытающейся свалить Олю. Наконец, Оля садится и падает попой на песок, хватая Зою за плечо. – Я такая пьяная, я знаю. Но я хочу с тобой ещё выпить. Брудершафт. Нет, чёрт, никакой не брудершафт. Не сбивай меня! Дай я скажу! Мы с тобой... всегда будем вместе. Обещай мне. Мы с тобой старухами будем вот так сходить с ума. На берегу моря. Вот здесь. Через пятьдесят лет. Ты и я. У нас есть Маша и Томка. Но ты и я – особенно – мы с тобой никогда не расстанемся. Давай поклянёмся. Вот этому красному солнцу поклянись. Я всегда тебя пойму и поддержу. Ты клянёшься».

Chateau Bellevue белое. Надпись «... garantita & controlata». Как и просили. Сто сорок девять гривен. Не хило. «Я не снобка, но вино должно быть хорошим, – трубила Тамара под занавес Машиного тридцатилетия», – вот ещё вспомнилось. На вид – что трезвая. Только громкий голос выдаёт опьянение. Она когда пьянеет, у неё что-то со связками случается, и голос как в рупоре. Она и правда не снобка – не вспомнить, чтобы за ней водилось. Маша – возможно, в чём-то. Но Томка любила себя побаловать.

Зоя выложила деньги на кассе. За две бутылки.

– Всё? – спросила кассирша, претенциозно глядя из-под длиннющих ресниц.

Зоя кивнула.

«Зоя, но оно очень дорогое. Я тебе деньги, естественно, верну, – Маша выхватила трубку у Тамары. – Если хватит денег, возьми две бутылки. Не беспокойся, я всё верну». Беспокоится, чтобы цена вина, которое они употребляют, не отпугнула от них самих. Всегда была очень щепетильной в денежных вопросах. Всегда боялась выпятить свой достаток перед менее обеспеченными сверстницами. Всегда норовила за всё заплатить, всё компенсировать.

Зоя прижалась к бордюру, заглушила двигатель, вылезла из машины и заглянула во двор. Трава подстрижена. Висят качели. В углу батут – в прошлый раз его не было. Два велосипеда под стенкой: двухколёсный и четырёхколёсный. Машиной младшей – Полина, кажется, – на юбилее не было ещё двух. Хорошенькая, с кудрями. Больше на Серёжу. А старшую Зоя никак не могла припомнить.

Они возникли все втроём на пороге и уставились на неё, ухмыляясь. Зоя не сразу осознала, что тоже смотрит на них с глупой ухмылкой и продолжает безотчётно тянуть вверх кулёк с бутылками.

– Наконец-то, чудо, добралось, – Тамара выпрыгнула вперёд, перескочила через ступеньки, скользнула к калитке. Маша что-то шепнула Лолите, продолжающей с умиленным любопытством разглядывать Зою.

Зоя шагнула во двор, как в царство радости. От сентябрьской земли запах весны.

– О, винчик, – одобрительно кивнула Тамара.

– Держи, – сказала Зоя, роняя бутылки ей в руки.

Тамара порывисто сунула их Маше, споткнувшись о мяч у ступенек.

– Ой, отшвырни его в угол, пожалуйста, – попросила Маша. – Где играла, там и бросила. Я ей устрою.

Тем временем Лолита выступила навстречу Зое.

– Что ты застыла, лапа? Иди, я на тебя посмотрю.

Улыбается. Зубы белоснежные. Танцующая улыбка: губы то растягиваются, то чуть сужаются, то соединяются. Шёлковый нос, по-японски заострённый. Глаза огромные, чёрные, на белках ни одной красной жилки. Морщинки по краям, как будто ресницы. Длинная рельефная шея. Красивая. Что-то потерялось. Юношеская плавность черт утрачена. Скулы проявились. Потончал подбородок. Но сказать, что она стала менее красивой, – нет. Красивая. В настоящем смысле.

– Зоя! Хе-эй! I'm here! Можно я тебя обниму?

Упёрлась носом ей в плечо. Круглое, упругое. Не по сезону загорелое. Тонкий аромат лайма и мяты. Как «Мохито».

– Господи, какая ты. Девочка, – отстраняясь и оглядывая её с ног до головы, заключила Лолита.

– Маша, у тебя там что-то воняет, – крикнула Тамара, чеканя мяч.

– Воняет, – крикнула Лолита. – Не могла сказать: чем-то запахло.

Маша исчезла в доме.

– Она картошку печёт? – спросила Зоя.

– Да хрен её знает, что-то печёт, – отозвалась Тамара. – А что?

– Картошкой печёной запахло, – Зоя повела носом.

– Ты голодная? – спросила Лолита.

– Похоже, что да, – усмехнулась Зоя.

– Тома, ты уже наигралась? Мы можем идти? – Лолита, взяв Зою за плечи, подтолкнула её к двери.

– Блин, баскетбольная корзина, – подняв голову, заметила Тамара и бросила мяч. Он ударился о кольцо и отскочил ей в руки.

– Тома!

– Вы идите, я догоню, – мяч угодил в стену.

Тамара подхватила его на лету и, прицелившись, запустила в корзину, на этот раз в цель. Поймала в руки, подкинула и ударом ноги отправила в дальний угол.

Кухня была огромная. Метров тридцать пять или сорок. Вместе с прихожей, кажется, в половину первого этажа. В северной части большой обеденный стол. Всё деревянное. Цвета – ореховое дерево и чай с молоком. Вошла, и уже чувствуешь себя сытой.

Лолита носила тарелки от острова к столу. Тамара разлила вино, пригубила из своего бокала.

– Ага! То, что нужно, – похвалила.

– Прошу, накладывайте, – пригласила Маша, ставя на подставке – выше всех блюд – запечённую картошку со свининой, покрытую сырной коркой. – Так, девочки, я ничего особенного не готовила, сами видите...

Лолита с томным прищуром важно кивнула.

– Мы не мужики, можем обойтись и без ста блюд, – продолжала Маша, но тут заметила Лолитину ухмылку и уязвлённо запнулась. – Хорошо, в следующий раз я закажу пиццу. А хрена. В следующий раз сами себе закажете себе пиццу.

Лолита запрокинула голову и бесшумно засмеялась. Тамара вздёрнула брови, глотнула вино и взяла бутылку долить себе.

– Там ещё огурчики внизу? – Зоя присмотрелась к стеклянному боку блюда, испытывая гастрономическое нетерпение. – Солёные.

– Ага, – польщённо подтвердила Маша и взяла свой бокал с красным вином.

– Ну, за вас! И за Украину, – Тамара подняла свой бокал выше всех, после чего чокнулась с подругами и щедро отхлебнула.

Покосившись на Тамару и одолеваемая какой-то мыслью, Маша несколько секунд соблюдала молчание, чтобы не смущать женщин, разбирающих на свои тарелки главное угощение, а потом заговорила:

– Я всё хочу спросить, Зоя, ты ехала – что там на площади? Открыли движение? Разошлись уже демонстранты?

– Я объезжала по трассе: судя по яндекспробкам, на площади всё глухо. Если бы поехала туда, там бы и стояла до сих пор.

– Ого, а что там такое? – поинтересовалась Лолита.

– Антикоррупционный митинг по делу Юниавиа Групп, – живо отозвалась Тамара. – Сегодня слушанье в суде, на котором должно приниматься решение о результатах государственного тендера на реконструкцию аэропорта. По прогнозам аналитиков суд намерен отдать инвестиционный проект в лапы Юниавиа Групп. Они надеялись сделать это, как говорится в старом фильме, «без шума и пыли», даже заседание назначили буквально в последний момент, но благодаря инсайдерам в суде активисты узнали о слушанье и успели предупредить людей через социальные сети и организовать этот протест.

– А разве это не давление на суд? – нахмурилась Лолита.

– Не смей меня! На наш суд одинаково плохо действуют как законы Украины, так и законы физики. К тому же, Конституция пока ещё гарантирует свободу собраний.

– А что за беда с этой компанией – Юниавиа Групп? Чья она, кстати?

– Какая-то английская, – вставила Маша.

– Чушь! – констатировала Тамара. – Это они трубят, что компания английская, тычут простаков носом в свои документы. По документам она может быть хоть марсианская – будто я не знаю, как отечественные холдинги формируют свою корпоративную структуру. То-то и оно, что это компания одного из украинских олигархов, замешанного в терроризме и нескольких громких коррупционных скандалах. Теперь под видом государственно-частного партнёрства решил оттяпать аэропорт. Потихоньку выиграл тендер и подписал договор на реконструкцию. Благо, сейчас такое время, когда информация утекает даже там, где вода не просочится. А степень общественного правосознания не позволяет бандитам так легко и безнаказанно, как прежде, обворовывать государство.

– Думаешь, этот митинг реально повлияет на решение суда? – усомнилась Лолита.

– Вряд ли, – кивнула Тамара. – Но пару голубей в турбины, думаю, сунет. Каким бы ни было сегодняшнее решение, история наверняка будет иметь продолжение, партнёры горел-инвестора, особенно, международные, хорошо подумают, прежде чем впрягаться в резонанс-ный проект.

– Я слышала другую версию этой истории, – вставила Маша.

– Будто бы это конкуренты организовали митинг? – снисходительно предположила Тамара. – Удивительно, что ты следишь за этим процессом.

– Не я – Серёжа. И рассказывает мне. И мне кажется более правдоподобным такое объяснение: два олигарха сцепились за объект своего интереса. Один выиграл тендер и получил контракт, но конкурент, естественно, не захотел с этим мириться, и развернул масштабную войну против Юниавиа Групп, используя в ней и чёрный пиар, и – что стало очень модно – возбуждённую толпу. Если сегодня суд под давлением этих легионеров не примет решение в пользу Юниавиа Групп, инвестор лишится кредита ЕБРР под этот проект.

– Красивая интрига, – Тамара с почтительной иронией наклонила голову. – Только не забывай, что мы не в сериале «Карточный домик» – применяемые в Украине политехнологии куда скромнее. Я не отрицаю, что возможен конфликт бизнес интересов. Не отри-

цаю и того, что стороны конфликта стараются использовать общественные настроения в своих целях. Но это естественно! А дыма не бывает без огня. И твоё утверждение, что на площади собрались наёмные митингующие, несправедливо, Маша. Просто у нас уже другое общество – не то, что было до 2014 года, пора увидеть это, пора понять: люди наглотались уже судейского и политического произвола сверх всякой меры.

– О, это сложно не увидеть и не понять! Особенно, жителям микрорайона, у которых под окнами бушует толпа, а на окружающих улицах заблокировано движение. Что уж говорить о родственниках тех, кто не дождался скорой помощи.

– Какое несчастье, – покачала головой Лолита. – Я, когда приехала, была поражена, насколько люди обозлены. Смерти друг другу желают. Я слышу от старинных знакомых такие страшные вещи... Будто их сняли с какого-то предохранителя. Я хорошо знаю, что такое ярость, если её не обуздать, – Лолита многозначительно посмотрела на Тамару. Та моргнула. – Контролю она потом не поддаётся. Пока не выльется в какое-то разрушение, не остановится.

– Мы уже на той стадии, – сказала Тамара. – Когда разрушение неизбежно. И жертвы – увы – тоже. Разбудили ярость. Не просто так её разбудили, Оля. Было ради чего проснуться. Я в этом убеждена, знаешь? Лучше быть холериком, чем овощем. Лучше быть извращенцем, чем импотентом. Понимаешь? А теперь – всё. Надо это принять. Заплатить эту цену. И ярости не мешать.

Восьмой класс. На краю школьного двора, за стадионом, бетонные плиты, сложенные одна на другую. Демаркационная линия. Увидишь, идёт кто-то из учителей, прыгаешь на другую сторону, и ты вне зоны действия его правоучительного запала. Вокруг плит – горы окурков, следы от плевков, кое-где пивные бутылки. Какие-то свиньи оставили. Всё равно пацаны из 11-«А» их вычислят и надерут им задницу – свой мусор здесь принято выносить самим и сразу. Тамаре тринадцать. Ноги на ширине плеч, руки согнуты в локтях, упираются в развитые бёдра, короткие вихры дыбом от гнева. Он сидит на плитах, курит с насмешливым видом, – выпендристый долбоёб из параллельного класса. Сказал ей, что она у него пососёт. В коридоре школы, когда налетел на неё, чуть не сбив с ног, и она схватила его за руку. Изогнулся, гнида, и говорит: «Сосать у меня будешь». И вырвал руку. Тамара побагровела: «Что ты сказал?». «Что слышала, сука». Она стоит, смотрит на него в упор: «Давай, делай, чтоб я у тебя сосала». Он выблёвывает идиотские смешки – думает, поверят, что ему смешно. «Я жду, – железным голосом Тамара». «Отъебись, сука». «Да я пока не приебалась. Отвечай за свои слова. Сделай так, чтоб я у тебя сосала. Или вся школа узнает, что ты балабол». «Иди в задницу, – взревел. – Пошла отсюда нах». «Я жду одну минуту...». «И начинаешь сосать?» – гогочет. Противный ломаный голос. Уже не детский, но ещё и не мужской». «И ты начинаешь, – Тамара вдруг широко улыбается. Очень угрожающе. – Время, – клацает языком о небо. – Вышло». Она ещё секунд десять неподвижно выжидает, позволяя его насторожившейся бдительности снова мерно засопеть, а потом молнией кидается к нему, взлетает на плиты, хватая его обеими руками за шею и резко наклоняет к паху. Прежде чем он очухивается, её пальцы дёргают змейку на джинсах. Она угадывает миг, когда нужно броситься вон, – чувствует надвигающуюся мощь, что проходит судорогой по его телу, распрямляющемуся, чтобы отшвырнуть её. Она отскакивает за секунду до того, как он хватается за джинсы – застегнуть ширинку. «Ну как, вкусно? – Тамара хохочет, как безумная. – А ведь дерьмовенько, небось!». Она уже на безопасном расстоянии, – достаточном, чтобы удрать, если бы он попытался догнать её. Девочки пялятся у неё за спиной, шепча, что пора успокоиться и свалить. «Пошла на хуй, сука ёбаная! – орёт он и спрыгивает с плит на другую сторону». «Всей шко-оле, – торжествующе кричит Тамара ему вслед».

– Я не владею информацией, чтобы с тобой спорить, – задумчиво проговорила Лолита. – Но ты кажешься мне слишком агрессивной, чтобы быть правой.

– Пусть! – возбуждённо согласилась Тамара. – Я говорю вам откровенно, что думаю: сегодня нет права абстрагироваться от происходящего в стране. И в этом я категорична. Если вчера каждый мог позволить себе думать только о собственном благополучии, то сегодня каждый обязан – я это подчёркиваю – осознавать себя членом общества. Если наступит жопа, то она не сможет не коснуться вас и ваших семей. Понимаете? В обычное время можно пропускать мимо себя кучу разного дерьма, и это, наверное, правильно, и даже мудро. Но теперь уже не обычные времена...

– Всё это прекрасно звучит, – Маша уклончиво поджала губы. – Хотя и немного пафосно, не обижайся, Тамара. Но меня смущает, что многие правильные мысли превращаются в пропаганду насилия и разрушения в устах радикалов. А тем, кто пытается говорить о последствиях, закрывают рты, мол, сейчас не до дискуссий, ситуация форс-мажорная: действовать надо, а не думать.

– Это радикалы! Их небольшая прослойка была, есть и будет в любом обществе! Но показывать на них пальцами, давая характеристику ситуации в целом, – это просто нечестно!

– Да, Тамара, ты права. Радикалы есть, и позиция их понятна. Но когда они остаются управляемым меньшинством, – это одно. А когда их подхватывают те, кто до сегодняшнего дня радикалами не были, – это тревожный сигнал.

– Это естественно! Люди на эмоциях!

– Вот это и страшно! Я не знаю, что у нас произошло и происходит на самом деле, и не верю, что кто-то может знать. Меньше всего я верю телевизору и интернету. И даже если у меня есть свои догадки и соображения, я предпочитаю молчать. Если кто-то спросит меня о помощи, я рада помочь, чем могу. Но брызгать слюнями от ненависти! Вместо того чтоб выравнивать позиции? Я знаю, Тамара, что когда происходят такие вещи, как у нас, вся чернота лезет наружу. Слетаются, как стервятники на падаль. Жрут и гадят, пока все остальные отвлечены спасением и переустройством страны. Я одного боюсь: что мы себя сильно переоцениваем. Ведь мы только возмущаемся и кричим. Выбираем мнение как колбасу в магазине, а затем пиаримся в социальных сетях, клепаю пафосные тексты, – но ведь это же злостный фарс какой-то! Не верю я, Тамара, что этими митингами на каждом углу можно страну спасти. Нужно что-то большее для реальных перемен, пассионарность какая-то, что ли, поголовная готовность действовать и даже жертвовать чем-то. Но в нашем сегодняшнем обществе, как я его вижу, градус понтов выше, чем градус пассионарности. Оттого я и опасаюсь, что не случится никаких изменений, а только будут новые и новые жертвы во имя чьих-то амбиций. Может быть, тебе с твоей высоты виднее, где правда, – Маша пожала плечами, глянув на Тамару. – Я отвечаю только за то, что сама вижу и чувствую, за то, как сама это понимаю.

Тамара посмотрела на неё с улыбкой, в которой мелькнуло что-то вроде снисхождения.

– Я тебя, Маша, много лет знаю. Знаю, какой ты человек. И очень уважаю. Поэтому я не буду с тобой спорить. Но я очень, очень надеюсь, что однажды тебе станет стыдно за сегодняшние твои слова.

– Аминь, Тамара! Дай Бог, чтобы время упрекнуло меня в малодушии! Я буду надеяться на это вместе с тобой, и крепко.

Тамара фыркнула. Был порыв ответить. Иссяк. Промолчала.

– Зоя, что ты молчишь? Скажи что-нибудь.

Зоя от неожиданности проглотила недожёванный кусок картошки, прижала ладонь к груди и вытянула шею. Потом робко глянула на Лолиту.

– Почему ты разошлась со своим мужем?

Лолита выдохнула со смехом облегчения.

– Длинная история.

– Так мы ещё не расходимся.

– Расскажи, – присоединилась Тамара.

– Не рассказывай, если не хочешь, – сказала Маша и повернулась к Тамаре, отвесившей подбородок, словно у неё во рту мяч для пинг-пога. – Ну если она не готова...

– Не рассказывай, – подхватила Тамара. – Политическую ситуацию мы уже обсудили. Теперь самое время поговорить о новинках литературы и авторского кино, как уважающим себя интеллигентным людям. К слову, вы знали, что «Щедрик» в исполнении группы Пентатоникс набрал уже свыше 60 миллионов просмотров на youtube? А я тащила от этой вещи ещё года три назад, когда её мало кто слышал! Ой, девочки, а я говорила, что купила себе овальную кабуки для моделирования лица? Девочки, это самое грандиозное изобретение со времён фейсбука. Кстати, о фейсбуке. Мне очень интересно выяснить у Зои, почему она до сих пор не зарегистрирована ни в одной социальной сети. Предлагаю с этого и начать.

– А что? Выясним, Зоя? – хихикая, подмигнула Лолита.

– Так почему ты разошлась со своим мужем? – помотав головой, словно отряхиваясь, спросила Зоя.

Маша и Тамара, переглянувшись, засмеялись.

– Господи, почему все расходятся с мужьями? Естественно, из-за его мамочки, – хохотнув, призналась Лолита. Зоя покосилась на Лолитины руки, которые та отвела за спинку стула и сомкнула. Смуглые, тонкие. На правой – увесистый золотой браслет. На среднем пальце левой перстень с синими и голубыми камнями. – Старая стерва настраивала его против меня с первого дня, – Лолита похмыкала, оглядывая слушателей, неуловимым жестом поправила волосы. – Если серьёзно, к этому давно шло. Он охладел ко мне через три года после свадьбы. Не совсем, конечно, но я перестала быть для него центром мира, как в первые три года, – когда он не знал и не хотел знать ничего дальше меня. Уже тогда я заняла почётное место законной любимой супруги в системе координат среднестатистического американца. Конечно, он баловал и жалел меня, конечно, у нас была регулярная обоюдная приятная близость – ты так посмотрела на меня, Зоя, будто хочешь спросить, а занимались ли мы вообще сексом в последние пять лет, поэтому я решила сразу пояснить, специально для тебя, – хехекнула Лолита, чуть запрокинув голову, и продолжала. – Словом, у нас был приятный секс, и он даже не изменял мне, ну, разве что, от случая к случаю – ничего серьёзного, я хочу сказать, что это не было на системе, как у многих других наших знакомых пар. Что ещё? Деньги – с этим не было проблем. Том хорошо зарабатывал. Мой магазин...

– Том – это мужа так зовут? – уточнила Зоя.

– Ну да.

– Продолжай, что-то про твой магазин...

– Да, мой магазин тоже приносил небольшую прибыль.

– Что за магазин? – спросила Тамара.

– Парфюмерия. Косметика, – мечтательно пояснила Лолита. – У меня была мысль развить ювелирную секцию. Не знаю, реализует её Том со своей мамочкой или нет. Словом, последние пять лет мы прожили по инерции, потому что не мешали друг другу. А ещё, наверное, потому что всё-таки надеялись на ребёнка.

– Вы не могли зачать? – с плохо скрываемым ужасом осведомилась Маша.

– Не могли, – сказала Лолита. В её тоне не чувствовалось огорчения. – Мы оба здоровы. Но шестилетние попытки ни к чему не привели. От искусственного оплодотворения я отказалась. Я думаю, мы просто были несовместимы. Нам такой диагноз и поставили – несовместимость. Сказать, что я сильно расстроена, значило бы соврать. Я не представляю себя в роли матери его ребёнка. Нет. Не с ним.

– И что же с ним не так? – с оживлением спросила Зоя. – И почему ты так долго жила с ним, если знала, что вы не будете вместе?

Лолита неопределённо качнула плечом и посмотрела вбок.

– Не было повода что-то менять. К тому же, мне нравилась моя жизнь. Особенно, конечно, поначалу, – после того, что я пережила с Олегом, я готова была выйти замуж хоть за сатану, лишь бы сбежать подальше от него, – я воспринимала Тома просто как спасителя: ну, представь, Америка, – Лолита обворожительно улыбнулась. – Молодой муж, который боялся ко мне прикоснуться. На контрасте с Олегом! Дом. Участок.

– У вас был дом? – спросила Зоя.

– Да, я видела фотографии, – воскликнула Маша. – Очень красивый.

– Новые знакомые, поклонники, комплименты, вечеринки, пикники. Всё вокруг такое ухоженное и приспособленное. Плюс любовь Тома. Как бы там ни было, девочки, но когда мужчина любит, он способен дать, если не счастье, то большое удовольствие и кучу приятнейших вещей. Словом, первые три года, пока я насыщалась покоем и благополучием и чувствовала себя по-настоящему дорогой для Тома, всё было волшебным.

– А потом? – спросила Зоя.

– Потом эйфория прошла, но всё равно – я была довольна. Не всё устраивало, что-то раздражало, но, оценивая свою жизнь как бы со стороны, я могу сказать, что она была очень комфортной.

– Сытой, – полувопросом сказала Зоя.

Лолита, откинувшись на спинку стула, утвердительно улыбнулась. Потом повернула голову и утонула взглядом в велюровом кресле модели «Яйцо». – Машунь, а можно я туда пересяду? Так уютно выглядит.

– Конечно, только как же ты будешь кушать?

– А я уже поела.

– Вот это поклевала – называется, поела?

– Машунь, я не привыкла так много есть. Может быть, чуть позже.

– Я тебе подвину сейчас, – Маша вцепилась в кресло и притянула его к столу.

– Всё, всё, достаточно, – отогнав Машу, Лолита опустила в «Яйцо» и ухмыльнулась с выражением высочайшего наслаждения.

– Но ты была счастлива с ним? – спросила Зоя, когда Лолита устроилась.

Лолита, усмехаясь её бесхитростности, приопустила веки.

– Я была счастлива. В своём роде, конечно. Если бы судьба послала нам ребёнка, что-то изменилось бы, я думаю: это стало бы знаком, что нас оценивают более серьёзно там, – Лолита указала глазами на потолок. – Но – не судилось.

– Ну а твой сын? Том не хотел воспринимать его как вашего общего ребёнка?

Лолита изумлённо округлила глаза.

– Ты что, думаешь, я рассказала ему про Никиту?

Зоя, в свою очередь, отвесила челюсть.

– Ты хочешь сказать, Том не знал, что у тебя есть сын?

– Воображаю себе реакцию чопорного Тома на новость о том, что его дражайшая супруга имеет сына тринадцати лет от роду!

Зоино веко легонько дёрнулось.

– То есть, человек прожил с тобой восемь лет, и не знает, что у тебя есть ребёнок. И вы были счастливы. А как же близость?

Лолита, снисходительно ухмыльнувшись, повернулась к Маше.

– Объясни ей.

– Ну, тут я с ней согласна, – возразила Маша и тут же спохватилась. – Нет, я понимаю, что ты подразумеваешь... Супружеская жизнь сильно влияет на восприятие многих вещей. Но насчёт Никиты это, мне кажется, действительно странно.

Лолита, томно поморщившись, дёрнула плечом и чуть опустила уголок рта.

– Мне сложно передать вам в точности все мои причины и мотивы... Но, так или иначе, про Никиту Том не знал.

– Как же ты общалась с сыном? – спросила Зоя.

– Обыкновенно. По скайпу, как и со всеми остальными. Том в такие вещи не вмешивался. Естественно.

– Ты хочешь сказать, что ни разу не видела его за восемь лет? – поразились Зоя.

Лолита расхохоталась.

– Да ты что! Конечно, к нам домой он не приезжал. Но в Штаты – каждый год. Обычно мы проводили недельку-другую в Майями. Однажды были в Сан-Диего, но в Сан-Диего, знаете, как-то уныло. Если в Майями жизнь бьёт ключом, то Сан-Диего напомнил мне пансионат для престарелых. Так что, если надумаете махнуть в Калифорнию, выбирайте лучше Сан-Франциско. А если на море – то лучше на атлантическое побережье. Какие там курорты – фантастика.

– А что Том? – не унималась Зоя.

– Ну а что Том? Он считал в порядке вещей отправить жену на пару недель на курорт. Моя знакомая в турагентстве – Дженни, тоже из Украины, кстати, помогала оформить Никитины документы, чтобы он мог прилететь. Мы встречались уже на месте.

Лолита кокетливо вытянула губы, наблюдая за Зоиной реакцией.

– Ты же сейчас не шутишь? – уточнила Зоя, испытующе глядя на неё.

Лолита снова расхохоталась. На этот раз не удержалась от ухмылки и Маша.

– Господи, ты так смотришь на неё, как будто первый день её знаешь, – вставила Тамара.

– Но если всё так себе и шло, что же случилось, что в итоге вы развелись? – всё ещё недоумевала Зоя.

– Да ничего не случилось. Но в какой-то момент всё остановилось. Дальше инерции не хватило. Мы это увидели как бы вдруг. И все окружающие тоже увидели это. Ну, тут его мамочка поняла, что момент настал, и дождала его. Как он робел, бедняжка, сообщая мне о её своём-нашем решении, – Лолита пренебрежительно ухмыльнулась.

– Ну ладно, Том – это дело прошлое, – резюмировала Маша. – Какие дальше планы?

Лолита неопределённо дёрнула бровью.

– Ты с кем-нибудь встречаешься?

Лолита уклончиво улыбнулась.

– Ничего серьёзно, – сказала она, сдаваясь трёхсторонней блокаде взглядов. – Пока – так, перебиваюсь.

– Хочешь побыть одна? – бесхитростно предположила Зоя.

Лолита откинула голову с загадочной полуулыбкой. Взгляд её скользнул по подругам, поднялся вверх на хоровод декоративных тарелок на стене и мечтательно завис. Потом некий импульс заставил её корпус плавно податься вперёд. Она дёрнула гибкой шеей, всколыхнув волосы, и принялась теревить свои жемчужные бусы, затем оттянула нитку и подвесила на большом пальце. Затем сделала глубокий медленный вдох, приоткрыла рот, задержала дыхание, прикусила губу. Взгляд её описывал круги на оконном стекле.

– Не хочу, – сказала она, прищурившись с беспечной дерзостью. – Наоборот. Я хочу любви. Хочу страсти. Фонтана эмоций. Неистовства. Сумасшедших выходок. Бурного оргазма, – вещала Лолита, сваливая последний ударный слог каждой фразы на несколько тонов вниз. – Хочу всего того, что я недополучила от Тома. Хочу взлетать из-за того, что *он* посмотрел на меня. Хочу, чтоб у меня подкашивались ноги от *его* поцелуя. Пусть наш роман продлится месяц или неделю. Пусть даже один день. Не так важен человек, что станет источником, как сами ощущения. Вот чего я хочу. Хочу пожить в своё удовольствие. Насладиться своей свободой. Быть одной, Зоель, я не хочу. Но и искать очередного мужа – увольте. Раз уж не получилось у меня с ребёнком, я буду сходить с ума. Это самое большее, чего мне не хватало в Штатах. Там

шагу невозможно ступить без того, чтобы кто-то это заметил. Чуть отступишь от общепринятой линии поведения, – и прослывёшь неадекватной. Господи, если бы я вела себя там так, как мне хотелось, они бы убедили Тома, что я больная на голову и закрыли бы меня в психушке. Клянусь вам. Не знаю, может быть, я немного забыла там саму себя, может быть, что-то важное упустила, но я терпеть не могу самокопания и могу вам откровенно признаться: я не жалею, что всё так сложилось. Я рада, что вернулась. Этот город. Я так соскучилась по нему. Он изменился. Но всё равно, я его узнаю, я вижу, что он помнит меня. Я повидалась с родителями – Господи, они уже и не надеялись увидеться со мной. Повидалась с сыном – впервые за много лет в домашних условиях, а не на курорте, как с тайной любовницей. Я увидела вас, – Лолита обвела всех троих восторженным взглядом. – Это для меня... Девочки, вы не представляете, что значит для меня эта встреча! Мне как будто вернули всю мою жизнь. Словно я спала и видела сон, забавный, приятный сон, а, проснувшись утром, обнаружила себя в своей постели, и в окно светит солнце, и на стене любимая картина, и белые простыни такие нежные наощупь, и из кухни наплывает кофейный аромат. И я понимаю, что хочу жить. На полную катушку, – Лолита встретила взглядом с умиленно улыбающейся Машей. – Девочки, мне так не хватало нас. Я вспоминала, что мы вытворяли. Наши разговоры. Мы совсем другие, но я знаю, что мы остались друг для друга дорогими людьми. Я очень-очень надеюсь, что мы найдём время иногда видаться, несмотря на все наши дела и заботы, – Лолита умолкла, вкрадчиво глядя на Тамару. – Да?

Тамара усмехнулась.

– Раз уж ты на это нацелилась, я не сомневаюсь, что так и будет.

Лолита рассмеялась и подмигнула Маше.

– Тебя не нужно отдельно спрашивать, да? Ты всегда готова.

– Всегда, – Маша растроганно покачала головой и вдруг прильнула к Лолите. – Я так счастлива слышать от тебя эти слова. Так счастлива, что не потеряла тебя. Что мы тебя не потеряли, – поправила она, лукаво зыркнув на Тамару.

Тамара закатила глаза и снисходительно качнула головой. Лолита, когда Маша выпустила её из объятий, расправила одежду и прерывисто выдохнула.

– Так, ладно, я от этих нежностей в туалет захотела. Подскажешь, куда?

– Выходишь из кухни, и в конец коридора, – Маша изобразила маршрут жестами и вдруг начала хихикать.

– Что?! – запальчиво крикнула Лолита.

– Ничего! – в том же тоне откликнулась Маша и рассмеялась. – Я вдруг вспомнила собаку Тамилы Андреевны, школьной англичанки, помнишь? Такса. Она её брала с собой на все массовые мероприятия. Очень жизнерадостная собачка. Ну, помнишь? – Маша многозначительно подняла брови, насмешливо глядя на недоумевающую Лолиту. – Вечно писялась от восторга. На линейке то и дело налетит на кого-то и обоссёт от радости. Ну?

– Ах ты гадюка! – сообразила Лолита и, раздражённая, двинула в коридор.

– Троллинг – новое слово в науке дружбы, – вполголоса проговорила Тамара.

Зоя беззвучно покосилась на неё. Маша вернулась к столу, села на свой стул, деловито поёрзала, оглядывая стол, после чего попыталась сокрушить тишину дружелюбной улыбкой, адресованной Тамаре. Тамара мигнула ей в ответ обоими глазами.

– Томочка, добавки? – предложила Маша светским тоном.

– Разве что этого, – Тамара жестом владычицы наклонила к своему бокалу приватизированную ею бутылку вина.

– Зося? – голос Маши по прямой линии.

– Да, можно немного, – согласилась Зоя, подпуская к своей тарелке оживившуюся Машу.

Свежая порция была ещё тёплой. Картошка мягко распадалась и плющилась под давлением челюстей. Вилка с оглушительным скрежетом таранила тарелку. Зоя изо всех сил стара-

лась перестать быть источником наисильнейшего шума в помещении, не позволяя вилке протыкать куски пищи насквозь, цепляя их на самый край зубьев. Когда она приструнила вилку, стали предательски поскрипывать зубы, соскользая с долек солёного огурца. Но тут спасительно зазвенела стеклом Тамара, умащивая свой бокал среди столовых приборов.

– Будет ещё десерт, – предупредила Маша. – Бисквитный пирог с пломбиром. И у меня есть вермут, если ты захочешь к сладкому.

Тамара кивнула и неожиданно переключилась на Зою.

– Почему ты так плохо пьёшь? Давай я тебе налью.

– Я же за рулём, – робко возразила Зоя, заставив Тамару замереть в позе сникающей воинственности.

– Да уж, – Тамара вылила в свой бокал то, что пять секунд назад определила причитающимся Зое. – Отбрызнуть ты всегда умела, как никто другой.

Маша прыснула и с короткой искрой умилённого любопытства глянула на Зою, которая невозмутимо пожала плечами, продолжая уплетать свою добавочную порцию печеной картошки. Доев, Зоя подняла глаза в поисках причин вибрации, на мгновение сотрясшей стол. Тамара уткнулась в айфон, щекоча его мелкими аритмичными движениями пальцев. Маша увлеклась разглаживанием цветастой салфетки у тарелки. Вдруг её глаза, наткнувшись на пустую Зоину тарелку, озарились идеей.

– Я пока сполосну тарелки, а то эта гора грязной посуды на столе напрягает, честно говоря. Или ещё добавки? – воскликнула Маша с надеждой.

Зоя, чуть не поперхнувшись лимонадом, замотала головой.

Зажурчала вода хорошим напором. Зоя вспомнила, что через пару недель обещают поднять цену на воду вдвое или около того, и покосилась на Тамару. Та уже отставила айфон и, полуразвернувшись к окнам, смотрела куда-то за грань очевидности, сосредоточенно, даже напряжённо, пока её коротко остриженный ноготь тарабанил по ножке винного бокала.

Белые-белые облака. Почти без теней. Кое-где с золотистым отливом – если рисовать их, наверное, нужно добавлять немного кадмия. Белые, как Машино платье. Добротный ситцевый сарафан с юбкой чуть выше колена и широким поясом по талии. Заграничное диво. Так фасонисто в классе больше никто не одевается. А у Маши – дед капитаном, вот уж кого не удивить диковинками. Рядом с ней на скамейке Оля. Две пары голеней. Под коленом тонкая царапина – у Оли – это она в прошлый четверг перешла дорожку дворовой кошке. Их лица высоко, нужно отводить взгляд далеко вбок и вверх. Глаза устают. Маша плачет. Если приподняться на локтях, видно лучше, что там у них. Тамара – ноги на ширине плеч – в двух метрах от скамейки. Выжидающе вращает в руке ракетку. На скамейке Оля стучается коленями с плачущей Машей.

– Что случилось? – Тамара, без должной сдержанности. Не любит нюни.

Маша прячет лицо в ладони, вертит головой, мол, всё моё горе – только моё.

– Машиуня, не пугай меня так! – восклицает Оля. – Что случилось? Это из-за четвёрки?

Маша отнимает руки от лица, утирает сопли, размазывая их по всему предплечью, и с немой скорбью поднимает глаза на Олю, потом выше Оли – не сосновые ветки, иглы, и вдруг раздражается рыданиями.

– Она меня просто убьёт.

Зоя возвращает голову на землю. Трава приятно щекочет шею, сухие тростинки покалывают икры. Дым клубится и тянется к облакам. Рука к губам. Серебряное кольцо на большем пальце. Из Пачаевской лавры, когда были всем классом. Дым колечется вокруг пальцев, рвётся. Выдох.

Снова их ноги. Олины, стройные, тогда ещё худощавые. Худощавее, чем у Лолиты. Но и в ту пору превосходные. Не слишком длинные, с округлыми икрами. Цепочка на лодыжке. Зоина мулька. Всегда хотела носить цепочку на ноге – так это, кажется, неброско и гра-

циозно: цепочка на красивой лодыжке. Конечно, на Олиной лодыжке она уместнее. Отказывалась брать: ты же всегда хотела, говорит, перестань, сама носи, тебе очень идёт. Правильно, что настояла – глупо было бы носить самой, если эта цепочка, кому и годится, так только Оле. Толстухам тоже могу нравиться леггинсы, но хватает же ума некоторым из них не рядиться в них. Оля наклоняется к Маши, негромко, протяжно, матовым своим голосом тянет, увещевает. Маша задумчива. Оля наблюдает за ней с тревогой.

– Мы ещё рекорд не поставили сегодня, – напоминает о себе Тамара, взмахнув ракеткой.

– Сейчас, – шепчет Оля, глядя на неё полуукоризненно-полуизвиняючись, и выразительно показывает глазами на Машу.

– Можем не успеть, – настаивает Тамара. – Осталось минут пятнадцать. Мы и так поздно начали из-за жары.

– Томка, ну, посмотри на это чудо, – сдаётся Оля и отказывается от своих этических манипуляций, которые Тамара упорно игнорирует. – Не можем же мы, как ни в чём не бывало, уйти сейчас.

– Ой, вы играли, я вас отвлекла, – спохватывается Маша. – Пожалуйста, идите! Я уже успокоилась, – она быстро вытирает слёзы и пытается изобразить улыбку.

– Ну что, она тебя заругает за ту четвёрку? – сжалившись, бурчит Тамара. – Ты уверена?

– Просто убьёт, – дрогнувшим голосом отвечает Маша, лицо её вмиг принимает затравленное выражение, и Тамара невольно отшатывается от новой волны её рыданий.

– Ну, перестань, – включается Оля. – Выберишь момент, когда у неё будет хорошее настроение.

– Не будет у неё! – с досадой отвечает Маша, продолжая рыдать. – Я же тебе говорила, что у неё... ну, гормональное... Она просто бешеная. Хоть домой не приходи.

– Ну, хочешь, – вдруг осеняет Олю. – Останешься у меня. Она за ночь перебесится, утро вечера мудренее.

Тамарины ноги отступают по парковому стадиону. Серые кеды под тяжестью сердца топчут свежий ёжик травы. Останавливается. Ноги на ширине плеч. Несколько раз отправляет воланчик в сторону облаков. Ритмичные удары. Много силы в этих руках. В этой голове. Ещё тогда. Воланчик падает в ладонь. Тыняется по полю. Кеды топчут траву. Так всегда и будет. Умная твоя голова, совершенно несгибаемая. Вчера новая заморская игрушка – электронный зверёк в цветной скорлупе. Сегодня – четвёрка по литературе. Завтра – потерявшийся кошелёк, который без Оли никак не найти. А тебе всё твои принципы, крайности: всё или ничего, или со мной, или против меня. Несокрушимый интеллект версус гибкая беспомощность. Облака. А на другой стороне перспектива парка. Шершавые стволы. Зеленоватый сумрак между аллеями. Две маленькие девочки наблюдают, как их отец мастерит скворечник. Стоят у него за плечами на носочках, забавно вытянув шеи. Он отдаёт им короткие указания, и они, опережая друг друга, бросаются их выполнять. Маша и их переманит. Плавнo, ненавязчиво. Сделает своими дочерьми. Что там? Кеды скользят по траве, приближаются, растут. Вот-вот наступят на глаза. Кеды или облака или девочки со скворечником: что выбрать. Дым кольцуется.

– Зоя-джан, – взывает командирски. – Давай в бадминтон!

– Не могу, – поток дыма ударяется в нос, рассекается. – У меня же нога больная.

Тамара мычит вразумлённо, вспомнила.

– Ещё болит? Слушай, что ты лежишь на земле? Башку простудишь.

Тут же тянет приподняться на локтях. Маша на скамейке с Олей уже улыбается.

– Дай мне сигарету, – требует Тамара. Вытягивает из пачки, поджигает.

– Интересно, а наших учили делать скворечники на трудах? – так, просто, мысли вслух.

– Кору клювом долбить их учили, – жадно курит. Затяжки глубокие и частые. Отдаётся вся. Как всегда. Волосы в хвосте. Русые вихры во все стороны, как лучи от солнца. Лицо круглое, но приятное. Вечно жалуется на свои широкие скулы. Нормальные скулы. В гармонии со всем остальным.

– У тебя веснушки.

– Да? – хватается за щёки, обрадовалась.

– Утром ещё не было, а теперь – полно.

Хмыкает. Увлекается какой-то фантазией, глаза – вправо и вверх. У неё за спиной маячат Оля с Машей, становится слышна их стрекотня. Тамара оборачивается.

– Ну, что вы тут? – задорно спрашивает Оля, задерживает взгляд, скидывает брови. – Ты что такая задумчивая, Зоя?

– Как вы думаете, если повесить скворечник – птицы не подерутся из-за него?

Рассмеялась. Дюжина звонких компактных смехов, соединённых перламутровой нитью придыхания, выпорхнула из её рта. Этот смех был подобен жемчужному ожерелью, но равно же он был подобен фундуку, брошенному в тазик с молоком и всплывшему на поверхности. Не менее он был подобен ягодам черешни, упругим и глянцевым, не слишком крупным, но и не крошечным, которые катятся по мраморной столешнице. В меньшей степени, но всё же напоминал он и развеваемую ветром гардину из гроздьев акации. И, пожалуй, больше всего он походил на горсть подброшенных камушков в момент, когда они влетают в солёную воду.

Это было одно из тех мгновений, когда самое обыденное действие, повторяемое нами множество раз, вдруг выходит у нас по-особенному, невольно привлекая к себе внимание всего сущего; и все его свидетели догадываются, что это мгновение задумывалось Вселенной, возможно, ещё до нашего рождения. Услышав Олин смех, подобрались, выпрямились, точно пузатые боссы под звуки гимна, шершавые стволы. Сконфуженно прижалась к земле вытоптанная Тамарой трава, не оставляя шанса адептам пословицы. Две сестры встрепенулись и, забыв о скворечнике, озадаченно вгляделись в замерцавший сумрак парка. И даже самовлюблённые облака с любопытством замедлили ход, пренебрегая образованным за ними затором. И окна Лолитиной спальни, открытые в парк, где двадцать лет назад прозвучал этот смех, ностальгически пошатнулись, вспомнив, как беременная ею мать, стоя в этой комнате перед зеркалом, с любопытством разглядывала свой живот, и как её бабушка показывала Оле в его тёмном отражении лысую малышку. Они вспомнили, как она плакала из-за разбитого колена, пока кровь текла на белую простынь, и как, свесившись с кровати, рвала однажды ночью, объевшись грецких орехов, и о брачной ночи её бабушки и дедушки, об агонии её прабабки и о ругательствах пьяного маляра, свалившегося с табуретки, на которой белил потолок. Потом они сообразили, что всё перепутали – ночная рвота была не у неё, а у её матери, а побелкой потолка занимался сам дед, после чего и сломал ногу. И о многом ещё успели вспомнить окна, пока на лужайке стадиона, вдруг раздувшейся до размеров галактики, звучал насыщенным вокализмом, благословившим прозвучавшую фразу, ставшим её самой ценной и самой желанной наградой, Олин смех.

Она отсмеивается и вновь становится обычной школьницей с царапиной под коленом и неумолимой перспективой исполнения американской мечты.

– Маша сегодня ночует у меня.

Зоя вздрогнула, услышав над ухом голос Лолиты.

– Интерьер у тебя – просто супер, – неторопливо дефилируя к своему «Яйцу», констатировала та. – Спокойно и, вместе с тем, смело: много цвета, а узоры в спальне – я заглянула, можно? – вообще gorgeous. Только сейчас осознала, как меня утомил этот американский минимализм. Стены они красят. В белый. Или в серый. Или в беж. А если обои, то никакой фактуры, никакого рисунка. Максимум – в детской комнате позволяют себе немного полоски.

Остальные стены – как голые. И этот белый цвет. Не умеют сочетать цвета, потому повсюду пихают белое. Какого цвета стол купить? Дубовый – нет, не гармонирует со всем остальным. Ореховый – не нравится. Вишнёвый – а вдруг не впишется. Белый. Отличное решение! И так со всем. А твои двери! Они как шоколадки! Внушительные и... и просто красивые. В Штатах двери тонкие, как будто из фанеры. И у всех поголовно белые. Это алес!

– Американские интерьеры – ещё куда ни шло. Посмотрела бы ты на скандинавский, там даже пол белый, – возразила Тамара.

Лолита направила к голове указательный и средний пальцы, скользнула ими вверх вдоль виска, имитируя выстрел.

– Просто ты предпочитаешь классику, – заключила Тамара. – Это дело вкуса.

– А ты – нет? – спросила Маша, улыбаясь. – Что ты предпочитаешь?

– Мне, как раз, ближе европейский интерьер. Лёгкий и воздушный. Белый цвет, – Тамара развела руками. – То, что нужно. Максимум пространства. Минимум мебели. А декор и текстиль – под настроение. Надоело – сменила шторы, повесила новое панно, покрасила стол – и как будто в другой квартире оказалась. Я просто люблю перемены, – она позволила себе полуулыбку. – Одно время я была влюблена в японский хай тек, но через пару месяцев у меня во рту уже был привкус металла. Мне всё быстро приедается. Кроме солнечного света и свежего воздуха.

– Значит, примерно понятно, что нас ждёт у тебя на новоселье, – Машины брови скакнули вверх-вниз. – Как твой ремонт, заканчиваешь уже?

Лолита с живым интересом воззрилась на Тамару.

– Почти, – несколько смешалась Тамара.

– А ты ремонт делаешь? Это в родительской квартире? – уточнила Лолита.

– Да нет, – ответила за Тамару Маша. – Она же купила квартиру в прошлом году. Ты разве не знаешь?

– Впервые слышу! – воскликнула Лолита. – Что за квартира? Где?

– На Фонтане. В новострое. Супер квартира, – продолжала Маша, поглядывая на Тамару, не возражает ли та против её инициативы. – Удивительно, что ты не знаешь.

– Да ты что! – изумилась Лолита. – И сколько комнат?

– Там нет комнат, – негромко пояснила Тамара. – Свободная планировка. Восемьдесят метров. Плюс восемь метров ванная с туалетом. Можешь сделать столько комнат, сколько считаешь нужным.

– И сколько ты сделала?

– Я отделила спальню. Всё остальное – большая гостиная.

– А кухня?

– И кухня. И холл, и кухня, и гостиная. Всё в одном помещении. На шестидесяти метрах воспринимается довольно просторно.

– Так, я должна всё это увидеть, – Лолита хлопнула себя по локтям.

– Милости прошу, – улыбнулась Тамара.

– Ты умница, что купила квартиру, – Лолита вернулась к мысли, которая её занимала. В выражении лица прочитывался невысказанный вопрос, и она подпустила его к языку. – Ты сама там будешь? Или с Жориком?

Тамарины губы непроизвольно дёрнулись. Она подавила гримасу отвращения и коротко улыбнулась:

– Сама.

Лолита прикусила язык за его неделикатность.

– Жорик остался в прошлом, – улыбаясь уже длинно, демонстрируя безболезненность и приемлемость этой темы, сказала Тамара.

– Я ничего об этом не знала, – с катастрофическим сокрушением проговорила Лолита.

– И я, – подавленно вторила Маша.

– А я – и подавно, – вставила Зоя, невольно собирая на себе взгляды и с виноватым видом зажимая рот.

Тамара расхохоталась.

– Вы бы себя видели. Космическая скорбь! Я рассталась с этим кабелём полгода назад. А надо было – ещё два года назад. Но если бы я съехала от Жорика тогда, я бы свихнулась от маминых причитаний. Как только купила квартиру, послала Жорику воздушный поцелуй. Что вы такие рожи скорчили? А ты, Маша, реально думала, будто я впала в романтический маразм и не вижу, что он на каждую упругую задницу дробит? Думала, только ты заметила, что это за фрукт?

– Честно говоря, я думала, что у вас всё наладилось, – удручённо пробормотала Маша. – Потому что после того, как он встретил тебя...

– Не нужно, пожалуйста, – перебила Тамара, вонзаясь в Машу яростным взглядом.

– Я только хотела, чтобы ты знала, что та ситуация на тридцатилетии... – словно оправдываясь, продолжала Маша.

– Маша! – гаркнула Тамара. – Я понимаю твои благие намерения, но я тебя прошу по-человечески: не нужно.

Упрёк в Машиных глазах сник через пять секунд после встречи с Тамариными.

– Хорошо, ты только не нервничай, – сдалась Маша.

– А можно я всё-таки кое-что уточню? – уязвлённо вмешалась Лолита. – А то у вас тут какой-то внутряк. Я могу спросить или ты вообще не хочешь говорить о Жорике? – она с претензией уставилась на Тамару.

– Спроси, – улыбнулась Тамара. – Хотите поговорить о Жорике – вперёд. Отвечаю на все вопросы. Только прошу воздержаться от попыток открыть мне глаза на то, какой он на самом деле душка, как он мне объективно подходит и как он меня в действительности любит. Поймите, что эти попытки для меня равнозначны обвинению в скудоумии. Если вы считаете, что я хуже вас разобралась в человеке, с которым прожила три года, что я дала ему менее точную оценку, чем способны дать вы, то скажите мне в глаза, что я идиотка, на том и разойдёмся. А пытаться меня образумить!..

– Всё, всё, я же замолчала, – Маша согнула руки у груди и развела в стороны ладони.

– Значит, Жорик – это тот тип, из-за которого ты ушла от Дениса? – Лолита наклонила голову вперёд.

Тамара деловито кивнула.

– Тот, в которого ты влюбилась, как сумасшедшая, и про которого говорила, что поймала своего журавля? – Лолита требовательно приподняла брови.

Тамара медленно, с иронией, мигнула.

– И который прыгал с парашютом вместе с тобой? Вы же с ним тогда и познакомились, да? – Лолита нахмурилась, припоминая. – Когда прыгали.

Тамара покачала головой.

– Мы познакомились на работе.

– Точно. Вот мне вспоминается история, как какой-то тип сорвал тебе сделку. Заявился на переговоры, начал там дерзить, хохмить и меряться членами с клиентом – что-то такое, да? Это же тоже он?

Тамара не удержалась от ухмылки.

– Удивляюсь, откуда ты можешь знать эту историю, – она, приподняв бровь, покосилась на Машу.

– От неё, от неё, – подтвердила Лолита. – Так ты можешь мне объяснить, он из ревности это делал?

– Типа того.

– А ты с этим клиентом что-то мутить собиралась?

– Да так, – уклончиво ответила Тамара. – Ничего особенного. Но Жорик почувствовал, как он выразился, сексуальное напряжение. И пришёл – метко сказано – померяться членами, – она заметила, как Lolita с Машей с любопытством переглянулись. – Не могу вспоминать без омерзения этот эпизод. Но это мелочи. В другой раз он развёл половину офиса, симитировав обыск в моём кабинете. Четверо здоровых амбалов врываются ко мне, запирают дверь, валят на пол моего референта, тыкают в меня пистолетом. Четверо ушлёпков с киностудии – массовочное мясо, которое в свободное время ходят по злачным местам потными Лунтиками и Олафами. Ну вот, он их нарядил в форму спецназовцев – там же, на киностудии, одолженную, вооружил собственными маркерами для пейнтбола, нарисовал им в фоторедакторе судебное постановление на проведение обыска, и привёл этот цирк в мой офис.

– Господи, а цель какая? – вытаращила глаза Lolita.

– Произвести впечатление.

– На тебя?

– Ну, и на меня, конечно, тоже. Но и в целом – на публику. Он это всё, естественно, заснял, выложил на ютуб и потом месяц дрович от комментариев. А в офисе эту историю до сих пор молодняку травят. Когда всё выяснилось, меня стошнило. Я жалею только об одном: что у меня не получилось сделать это ему на костюм.

– Блин, да он у тебя настоящий псих, – заключила Lolita, упоённо улыбаясь.

– Он мудак, а не псих, – невозмутимо возразила Тамара.

– Блин, ну я же тебя знаю, Томка. Тебя все эти вещи должны заводять.

– Они и заводили, – признала Тамара. – По дурости. А теперь, как вспомню – тошнит. От всего, что с ним связано.

– Ну, тебе виднее... Мне запомнилось только, что любовь у вас была безумная.

– А ещё – именно благодаря Жорику я заработала черепно-мозговую травму и посадила зрение – Маша ведь рассказывала тебе, как синий Жорик устроил романтическое randevu по ночному городу, силой привязав меня к мотоциклу и сев за руль? Хорошо, что больница оказалась недалеко от места аварии, ага. И именно Жорик тот маньяк, что довёл мою маму до сердечного приступа, заявившись к ней однажды ночью, когда я была в командировке, опять-таки нажратый, и угрожая поджечь квартиру, если она сию секунду не перестанет меня прятать. И, как ни странно, это тот самый кабель, который перетрахал половину офиса в надежде вылечить хроническую депрессию. А также, какое совпадение, тот самый поц, который искал себя, а нашёл инсулинозависимый сахарный диабет, – Тамара усмехнулась и добавила после паузы. – Я могу ещё долго продолжать. Но, думаю, вам и так ясно.

Lolita сглотнула, опять коротко переглянувшись с Машей.

– А сейчас – вы до сих пор вместе работаете? – с робостью в голосе спросила она.

– Ага. Он директор по правовым вопросам в той же компании, что и я, – беспечно ответила Тамара.

– Но ты же не в его подчинении? – осторожно уточнила Lolita.

Тут уж Тамара почувствовала тягу переглянуться с Машей.

– Lolita, а ты вообще в курсе, кем она работает? – встряла Маша.

– Какая-то заправочная контора, – Lolita вопросительно кивнула.

– Нефтегазовая, – сказала Тамара.

– Это... Супернафта, – многозначительно поведала Маша.

– Ааа... – протянула Lolita с плохо скрытым недоумением. – Вот эти заправки, да?

– Заправки, нефтеперерабатывающий завод. Одно из самых крупных и прибыльных предприятий в Украине, – продолжала Маша, испытующе глядя на Lolitu. Lolita, оттопырив губу, с внушением закивала. – Тамара – замдиректора южного филиала, – Маша сделала паузу, добившись-таки должного изумления со стороны Lolity. – Без пяти минут директор филиала.

Лолита перевела прояснившийся вопросительный взгляд на Тамару. Тамара самоснисходительно поджала губы.

– Сечёшь, с кем сидишь за одним столом? – разошлась Маша, и вдруг её лицо вытянулось от ужаса и восторга. – Подожди... я же не сказала тебе! – Маша замахала руками. – Ты же, конечно, не знаешь... – она замерла с полуоткрытым ртом, глядя на Лолиту.

– Ну, не томи, – раззадорилась та.

– Тому признали лучшим региональным топ-менеджером в Украине по результатам прошлого года, – Маша проникновенно замолчала, наслаждаясь реакцией. – Международное рейтинговое агентство. Лучший региональный топ-менеджер. Первое место в стране!

Лолита посерьезнела, пристально, с нежностью посмотрела на Тамару.

– Откуда только ты это знаешь? – борясь со смущением, покачала головой Тамара.

– А мама прочла в Одесском вестнике, – с готовностью призналась Маша. – Звонит, говорит, тут в газете про твою Тамару. Она сильно впечатлилась. Какая, говорит, умница. Ну, говорит, по ней ещё в школе было видно, что толк будет. Позвони, говорит, поздравь. А я как-то постеснялась – было Рождество, знаю, что на Рождество ты всегда в Альпах. Чего отвлекать, думаю, – решила, что при случае скажу тебе. А потом мы с тобой столько раз по телефону говорили, а у меня из головы вылетело.

– Значит, ты – большой босс? – перебила Лолита.

– Типа того, – выдохнула Тамара и сделала глоток вина.

– Ну, что сказать, – развела руками Лолита. – Кроме того, что я очень за тебя рада. И очень тобой горжусь, – добавила она, понизив голос. – Теперь понятно, откуда взялась квари-тира, – ещё добавила удовлетворённо и задумчиво. – И всё-таки, – вновь оживилась. – Если вы с ним вместе работаете, вы же вынуждены как-то взаимодействовать?

– И это одно удовольствие, когда нас не связывают личные отношения, – подхватила Тамара. – Жорик – профессионал, у него этого не отнять. Анализируя наши отношения *post factum*, я прихожу к выводу, что если бы не знала его в работе – значительно меньше интересовалась бы им изначально, и гораздо раньше решила бы всё прекратить.

– А мне кажется, именно то, как человек работает, характеризует его лучше всего, – от неожиданного звука Зоиного голоса, три головы повернулись к ней. – Часто всё наоборот: кажется, очаровательный человек, пока не начинаешь с ним работать.

Тамара пожала плечами.

– Никогда не смотрела с такой позиции.

Маша с Лолитой затаились, ожидая Зоиного ответа, но она промолчала.

– Слушай, а ты довольна вообще таким поворотом? – насторожилась Лолита. – Я помню, ты всё мечтала о науке. А оказалась в бизнесе.

– Одно другому не мешает, – возразила Тамара. – Даже наоборот. Кандидатская диссертация у меня на выходе, если ты об этом.

Лолита отвесила челюсть.

– Какая диссертация?

– Обыкновенная, – улыбнулась Тамара. – По экономической теории.

Маша прыснула, наблюдая за Лолитой.

– Да уж, математичке нашей впору готовить речь для апостола Петра: что заставило меня поставить крест на золотой медали Ферзевой своей четвёркой.

Тамара махнула рукой, поворачивая голову к окну, вспоминая, с тенью улыбки на губах.

– Зато у тебя от жизни золотая медаль, – вздохнув, продолжала Маша. – За что ни бра-лась – во всём преуспела. Мне моя мама всегда тебя в пример ставит. Ты у неё кумир.

Тамара молча усмехнулась.

– То, что у тебя карьера, научная деятельность – это, само собой, показатель. Но у тебя всё выходило всегда лучше, чем у других. Я так хорошо запомнила, как ты в выпускном классе

с первоклашками гимн разучила на последний звонок – на спор, в пику Мурзилке, которая всех уверяла, что дети слишком малы для этого. И по той же математике – помнишь, как ты китайскую задачу про инопланетян решила, единственная в классе? Мы все рты от зависти раскрыли. Никто не додумался. Не понимаю, как можно было после этого четвёрку поставить. Медаль зарубить.

– Да что ты заладила с этой медалью, – развеселилась Тамара. – Я была уверена, что любая риторика на тему золотой медали заканчивается до выпускного. А у умных детей – ещё раньше.

– Да я понимаю, о чём ты думаешь.

– Ни о чём я не думаю, – описывая головой полукруг, ошарашенно возразила Тамара.

– Какой толк от неё, – не унималась Маша. – Кроме того, что даёт маме повод распустить хвост. Когда она начинает при Серёжиной родне хвалиться, что у неё Машенька круглая отличница – мне хочется под землю провалиться. Там сестра – практикующий хирург, брат – аспирант кафедры компьютерных систем, сын сестры – победитель областных олимпиад. Можете себе представить, что им до задницы моя медаль, которую я однажды положила в ящик, и с тех пор не доставала, потому что занята варкой борща и игрой в дженгу.

– Ну и что? – возмущённо встрепенулась Lolita. – Можно подумать, эти занятия хуже, чем другие.

– Каждому своё, – поддакнула Тамара.

– Это понятно, – согласилась Маша. – Только я же не думала, что моим станет именно это.

– Хочешь сказать, ты бы хотела работать? – крикнула Lolita.

– Я хотела работать, – сказала Маша, притупляя взгляд и серьёзней. – Размещала резюме, просматривала вакансии, ходила на собеседования. Меня даже взяли. Первые два дня я занималась откровенной фигнёй: подай-принеси, позвони. Серёжа надо мной смеялся: ну-ну говори, поглядим, на сколько тебя хватит. Короче, прихожу я к шефу, говорю: дайте мне нормальную работу, чем быть на побегушках, я лучше дома буду сидеть, своим детям подносить. Он отвечает: а ты нормальную работу сумеешь делать? Я говорю: так научите, я не тугодум, всё на лету схватываю...

– И вообще, у меня золотая медаль, – смеясь, подхватила Тамара.

– Да. Короче, он сказал: хорошо, я тебе дам инструктора, он тебе всё объяснит, что к чему, и попробуешь, а сам лыбится, зубоскал такой, знаешь. Короче, приходит ко мне инструкторша: младше меня лет на пять, самомнение – выше облаков, и такая, знаете, ударный слог растягивает и прицокивает в разговоре. Давай меня, значит, поучать, а потом каждый шаг критически оценивать и по каждому действию замечания делать. Короче, я три дня это послушала, послала их и ушла. Даже зарплату не забрала за ту неделю. Прихожу домой расстроенная. Серёжа допытывается: что случилось. Я молчу, думаю, ещё этот масла в огонь подольёт. Но он всё понял, конечно. Жалко ему меня стало. Сделался такой заботливый, кузя мой золотой, и говорит мне: хочешь, я тебя к себе на работу возьму. Ну, тут я не выдержала, расплакалась. На какую, говорю, должность. А сама рыдаю. Он говорит: найдём, чем тебя занять. Я говорю: нет уж, спасибо, я уже наработалась, сама придумаю, чем заняться, чтобы какую-то пользу приносить.

– Господи, мне бы твои проблемы, – не выдержала Lolita. – Ну и что, придумала?

– Поначалу охота работать у меня, прямо скажем, пропала. Я под села на форумы и социальные сети: связалась со всеми подругами, с маминкой роднёй, с эмигрантами. Я выучила ассортимент всех интернет-магазинов, знала, откуда поставляют нормальный товар, а откуда бракованный, откуда вовремя доставляют, а где постоянно задерживают. Я оставляла отзывы и писала жалобы, подготовила даже собственный рейтинг интернет-магазинов, разместила на форуме, после чего мне стали звонить пользователи за советом, – Маша энергично кивнула, отвечая на немое удивление Lolity. – Кроме того, я постоянно висела в группах по кулинарии,

по детскому развитию, по плетению макраме и составлению икебан – да, был у меня и такой период, а Соня, кстати, до сих пор увлекается макраме. Потом мы строили дом и одновременно продавали свою двушку. Я не вылезала из тем по продаже и покупке квартир и домов, стала немного ориентироваться на этом рынке, ну и комментировала: хвалила, критиковала – мне хотелось помочь людям разобраться. Я не утверждаю, что я большой ас, но иногда люди не просекают элементарных вещей и из-за этого ведут себя неадекватно. Короче, я докомментировалась до того, что получила форумную награду «Эксперт по недвижимости». И тут мне стали звонить из риелторских агентств, предлагать работу. Я так воодушевилась поначалу. А что, работа супер для домохозяйки: график свободный, загрузку определяешь сама, работать можно дома, если, например, ребёнок заболел или ещё какие-то помехи в офис поехать, бумажной работы – минимум, с людьми общаешься, а если удастся помочь человеку продать или купить! Короче, прикольная работа.

– Ну и что? – спросила Лолита. – Почему ты бросила?

– Ты понимаешь, – Маша изобразила колебание. – К риелторам у нас отношение, мягко говоря, недоброжелательное. Очень мало есть клиентов, которые воспринимают риелторов как помощников. Большинство считают их лицемерными крысами, которые наживаются на чужой порядочности. Но и те, и другие общаются с риелторами как с людьми второго сорта. Где-то я могу их понять, этих клиентов, потому что лицемерия в этой работы действительно хватает, и это может раздражать, но и риелторов можно понять, им ведь тоже хочется заработать.

– Разумеется, – проворчала Тамара. – Проституток тоже можно понять. И киллеров, если сильно постараться, тоже.

Маша снисходительно потупилась, но продолжала:

– Когда мы построили дом, я зависла на дизайнерских сайтах. Я проектировала интерьер каждого помещения в специальной программе: у меня по двадцать-тридцать вариантов для каждой комнаты, с полсотни кухонь. Знали бы вы, сколько километров я намотала по строительным рынкам и гипермаркетам, сколько перевидала обоев, плитки, паркета, плинтусов, кухонных модулей, – мне уже снились все эти диваны, стулья, шкафы и унитазы. Короче, мы всё закончили.

– Как я и сказала, ремонт удался на славу, – повторила свой комплимент Лолита. – Недаром ты так увлечённо в это погрузилась.

– Ну, слава Богу, я рада, – с удовлетворением улыбнулась Маша. – Словом, закончили ремонт, и опять встал вопрос – чем заняться. Возникли мысли о своём бизнесе, но когда я представила себе эти риски, разборки с проверяющими, ну его нафиг.

– Мне кажется, ты усложняешь... – покачала головой Лолита.

– Ты не сравнивай, – сказала Тамара. – Как у тебя было, и как это здесь...

– Даже если бы это было вдвое легче, я не чувствую к этому тяги.

Лолита глубоко вздохнула и с улыбкой терпеливого внимания поджала губы.

– В общем, я всё это вам рассказываю, чтобы вы понимали мою эволюцию, – как я пришла к тому, чем занимаюсь сейчас.

Тамара и Лолита зашевелились, со свежим любопытством внимая Маше.

Они сидят на парапете лестницы у подъезда Олиной хрущёвки. Двор у Оли тенистый, с высокими тополями в восточной части, с небольшим футбольным полем, окружённым ореховыми деревьями, с множеством скамеек, парой песочниц, каруселью и тремя добротными качелями аккурат напротив Олиного подъезда.

Оля сидит, отведя руки за спину и уперев в них корпус. Маша на противоположном парапете покачивает скрещёнными ногами. Тамара не высидела и минуты – расхаживает взад-вперёд, исступлённо слушая и косясь на Зоины ноги, гоняющие мяч от бордюра к бордюру.

– Я с тобой согласна, что осуждать кого-то, кроме самой Ларисы, едва ли правильно, – авторитетно вещает Маша. – Она сама до этого довела. Действовала безответственно. Не потрудилась предвидеть, как этот человек себя поведёт. Ты это всё правильно сказала. Но, подумай, она действовала на эмоциях. Её можно понять. Как минимум, она заслуживает сострадания...

– Да ни хера она не заслуживает, – злобно отзывается Тамара. – Она только и делала, что ныла: большое одолжение, оцените, делаю, что за вас замуж иду. Такая вся из себя возвышенная за такое, читай по губам, ничтожество. Так хули ты, раз такая невъебенная, за такое уёбище замуж согласилась? Тихой жизни зачалось... А если уж решилась, потрудись, тупица, хотя бы один глаз разуть, – лицемереть, что за скарб тебе перепал. Наберись же ты, рохля, смелости, вспороть кишки своим иллюзиям. Некому её было на место поставить. Кроме Паратова. Вот он ей именно указал на её место – что нужно было с самого начала сделать, чтобы не плодились мечты эти нелепые. За что её жалеть?

– Ты жестокая, Томка, – дружелюбно замечает Маша. – Нет в тебе сострадания к слабости. Людям свойственны слабости...

– Слабости здесь не при чём, – яростно перебивает Тамара. – Слабость – это недостаток силы. Слабости у тех, у кого есть стержень. А Лариса ваша – просто тряпка. Не было у неё никаких слабостей, потому что воли не было: ни принять свою судьбу, ни бороться с ней. Тошнит от того, как все с нею цацкаются. И главное, как вам понравилось, я, видите ли, не доросла ещё, чтобы понять лирическую героиню! Много надо ума, чтобы понять вашу героиню, что она – так, шкурка от личности. Видите ли, я должна была поплакать за Лариской, потому что Галине Николаевне её жалко. Она же по вечерам чем занята? Поела, посуду помыла, новости посмотрела, чайку забацала, садится за стол и Огудалову оплакивает. Воспитанники совка, сука, debilки. Потому что совок таких вот тряпок, как Лариска, воспитывал. Чтобы потом всем совком за ними поплакать, когда жизнь ими пол вытрет и в мусорник выбросит. Экая наглость – раскритиковать Огудалову. Мнение их, видите ли, научили иметь.

– Насчёт того, как она отреагировала, я с тобой согласна. Это она загнула. Но и ты, я тебе объективно говорю, переборщила.

– Да плевать, – фыркает Тамара.

Женищина сидит у коляски на раскладном стуле, склонилась над книгой. Пытается читать, но отвлекается, часто вскидывает голову, смотрит на них с живым интересом, хотя суть спора, должно быть, не слышит. Вот снова посмотрела, поймала Зоин взгляд, тут же упавший на мяч. Лет двадцать пять, миловидная. Бирюзовые штаны с лайкрой невыгодно облегают пухлые после родов бёдра. Чёрная футболка с полосками в тон штанам. Что её так заинтересовало? Переводит взгляд с одной на другую, задерживается дольше других на Оле, – тоже считает, что самая красивая.

– И чего бы я так нервничала? – вмешивается Оля, обрамляясь сигаретным дымом. – Из-за такой фигни настроение себе портить.

– А сама-то ты что думаешь насчёт Огудаловой? – пеняет на неё Маша.

Оля томно поводит плечом.

– А ты вообще читала? – Тамара кривит брови и рот.

– В смысле? – Оля ошалело выкатывает на неё глаза. Сигарета висит на уровне носа. – Что за наезд, Тамара?

– Что за тон? – огрызается Тамара.

– Ты за своим тоном следи, Тамара. Я же тебе не Огудалова. Нашла, на ком злобу сорвать, что ли?

– Жаль, что у тебя так туго с юмором, – цедит Тамара.

– Что ты сказала? – взвелась Оля.

– Я сказала, что мне пора домой, – рывкает Тамара. Она ломится по ступеням сорвать с парашюта сумку, но поздно – Маша перехватила.

– Пусти, – Тамара ей.

– Успокойтесь, – Маша в позе миротворца. – Обалдели, что ли? Оля, шуток не понимаешь?

Какая любопытная. Про книгу забыла. Ещё бы, такие страсти. Даже чадо прониклось, заныло. Она коляску закачала с усердием, а сама смотрит. У неё окно посреди режима, час очень тихой свободы, а тут – страсти: рвут на части Ларису Дмитриевну, а той и дела нет; будто можно уязвить её, ненавидящую насилие и содрогающуюся от самого слова «борьба», упрёком в слабости; будто злобные судьи способны огорчить её хоть сколько-нибудь сравнимо с неудачей родиться в этой богом забытой глуши; будто раздражающий их Паратов нужен был ей не в качестве только лишь билета первого класса из той убогой клетки, в которой теснилась её жаждущая солнца душа (как им объяснишь, что не всякий заставит себя путешествовать зайцем или третьим классом); будто им что-то известно о дилемме «всё или ничего». А она всё смотрит. Как зритель пьесы. С аппетитом. Может быть, это зависть в её взгляде. Или что-то более лёгкое. Мечта?

Зоя дважды лупанула по мячу для куклы, сунула его под мышку и поплелась к качелям.

– Попустись уже! – орёт Оля. – Домой она собралась. Дай мне сюда эту сумку, – выдёргивает у Маши из рук.

– Мне пора домой, – толдычит Тамара, а сама украдкой топчет дотлевающие угли своей лужи. – Я обещала сегодня пораньше.

– Ты же ещё не расчленила Огудалову – как же ты уйдёшь? – издевается Оля. – Давай я тебе помогу! – тут она наклоняется к Маше и, скорчив гримасу, оглушительным шёпотом спрашивает. – Маха, Огудалова – эта же та поэтесса, у которой мужа расстреляли, а сына сослали? А что она написала? А то я вчера алфавит учила и не успела прочитать то, что к уроку задавали.

Маша-миротворец головой вертит, лыбится, по сторонам глазами стреляет, вдруг её осеняет.

– Слушайте, вы у Зойки спросите про Огудалову. Она сейчас быстро всё разрулит. Да? Зоха! Твоё слово: жалеть Огудалову или презирать?

– Это одно и то же, – ворчит Тамара.

– Хорошо: сострадать или презирать?

– Отстаньте от Зои, – гаркает Оля.

– Ну, Зо! – канючит Маша. – Ну, скажи.

– Отстань от ребёнка, – повторяет Оля.

– Понятия не имею, – отвечает Зоя, присаживаясь на качели, и в упор с ухмылкой глядит на Машу. Ставит на колени мяч и потихоньку раскачивается.

– Может, Зойка тоже не читала, – Маша подмигивает Оле. – То есть, не тоже, а просто не читала (что ты уже привыкла)?

Зоя, ухмыляясь, зыркает на любопытную мамашу, мимоходом заметив, что Тамара добралась до своей сумки, взвалила её на плечо и утомлённо закатила глаза при последних Машиних словах.

– Зося, что ты лыбишься? – не отстаёт Маша. – Колись. Эй, ты что, серьёзно не читала?

– Да не гони, я в жизни не поверю, – встревает Оля. – Я думаю, Зойка про Огудалову ещё в детском саду читала.

– Точно, – подхватывает Тамара.

– Да не читала она, – продолжает Маша. – Всё остальное прочла, а Огудалову упустила. Уклоняется от ответа.

– Я фильм смотрела, – отвечает Зоя, раскачавшись, как следует.

Три взгляда вонзаются в неё. Потом Оля с Машей недоверчиво переглядываются. И тут Тамара говорит.

– Блин, я тоже хочу на качельки! Держи! – и швыряет Маше свою сумку.

– Ну вот, собственно, – закончила Маша. – Пока это отдельные случаи, но я вижу, как меня это затягивает. Я очень много думаю об этих детях, об их родителях, много с ними разговариваю: по телефону, по скайпу, при встречах. Мне хочется делить с ними их боль и тревогу, облегчить их страдания. А когда, девочки, удаётся спасти уже безнадежного, казалось бы, ребёнка, – это такие сильные эмоции, что без слёз их невозможно пережить. Я и Соню к этому стараюсь приучать: она со мной ездит в интернаты, и уже дважды была в онкодиспансере. И Полину буду приобщать, когда она немного подрастёт. А вообще-то у меня есть мечта... основать благотворительную организацию. Это не так уж сложно, в принципе, но нужно много времени. Когда Польша чуть подрастёт, я надеюсь... – Маша умолкла, у неё в глазах закрутился барабан фантазии. Дзинь. Бинго. – Мне кажется, я успокоилась: уже много месяцев не ловлю себя на мысли, что мне чего-то не хватает, что нужно найти способ реализоваться. Ну, так не буду я работать. Ну, так не сделаю карьеры. Ну, так буду домохозяйкой. В конце концов, иметь возможность жить для своей семьи, всецело принадлежать мужу и детям – это классика. Честно говоря, у меня никогда не было особых амбиций насчёт профессии. У мамы – да. Она, не мне вам рассказывать, всегда имела подавляющее влияние на меня, и со стороны могло казаться, будто я ставлю себе большие цели. Но эти цели ставила мама. Я, конечно, заражалась и, кроме того, у меня не было альтернативы. Она – самый близкий для меня человек, – Маша сложила ладони и прислонила к губам. Закрыла глаза и покачала головой. – Слава Богу, что я встретила Серёжу. Он никогда ничего не требовал от меня. Вы понимаете, почему меня так потянуло к нему? Почему я немедленно, с первой минуты знала, что стану его женой.

– Этого я не знала, – облизнулась Лолита. – Что прямо с первой минуты...

Маша подняла плечи и усмехнулась.

– Я, может, и сама не знала. Да и не могла бы отдать себе отчёт, пока не убедилась, что мои чувства взаимны. Но сейчас никакие предрассудки не мешают мне в этом признаться.

– Как вообще у вас с Серёжей? – спросила Лолита с той сладковато-безмятежной улыбкой, с какою интересуются исходом, о котором заведомо известно, что он благополучный.

– Нормально, – кивнула Маша. – Ну, есть свои нюансы.

– Например? – насторожилась Лолита.

Маша вздохнула.

– Вот я вам тут рассказала, как всё замечательно у меня устроилось. И что все мои комплексы – от нереализованных маминых амбиций. А теперь думаю: наверное, не до конца это честно. Всё же мама есть мама. А вот Серёжа... Серёжа такой человек – на первый взгляд, он редкий молчун. А вообще-то он очень любит порассуждать, но лишь когда находит достойного собеседника. Так интересно говорит – я рот открываю. И вот, я понимаю, что всё больше только слушаю его. Сказать какую-то глупость – лучше уж молчать. Короче, я боюсь, как бы ему не надоели эти монологи. Я стараюсь делать всё, чтобы ему было комфортно, чтобы он был счастлив, но иногда вижу, что он как бы томится, и, – Маша потупила взгляд. – В отдельные моменты он не пускает меня к себе. Нет, Серёжа никогда не грубит, никогда не говорит мне, мол, оставь меня в покое, он очень внимателен всегда. Действительно. Но бывают случаи, когда он закрыт от меня. Не знаю, нормально это или нет.

– Это нормально, – заявила Лолита. – Естественно, у него есть свой мир... Было бы хуже наоборот.

– Вот и я думаю, что дую на холодное – приободрённо продолжила Маша.

– Я бы сказала, на лёд, – авторитетно кивнула Лолита, вытягивая шею и вместе со всеми заглядывая в прихожую, где грянула входная дверь.

– Кто там? – зашептала Зоя, которой арочный откос ограничивал обзор.

– Ни с места – полиция! Руки за голову! – насмешливо рявкнула Тамара.

– Похоже, некто лёгкий на помине, – сказала Лолита.

– Это Серёжа? – спросила Зоя и стала нервно озираться, проверяя, ничего ли не вытаскивала из своей сумки. Убедившись, что готова на выход в любую секунду, она схватила вилку и принялась вычищать тарелку от остатков пищи. Набив полный рот и суматошно жуя, она подняла голову и встретила невозмутимый, который был бы ироническим, не будь он таким серьёзным, и был бы испепеляющим, не будь таким благосклонным, взгляд Тамары.

– Вот наша Лолита, – Маша, сияя, подвела мужа к столу. Лолита, глядя на него снизу вверх с ясной улыбкой, водила глазами по его напряжённо подтянутому красивому лицу с осинёнными пробивающейся щетиной щеками и подбородком.

– Тамара. Зоя.

– Я помню, – Серёжа кивнул Тамаре и перевёл ищущий взгляд на плиту.

– А Зою?

– И Зою, естественно, – Серёжа сдержанно кивнул в сторону Зои.

– Хорошо, котёнок, – засуетилась Маша, оказавшись возле плиты. – Прими душ, переодевайся и давай кушать. Я уже подогреваю.

– Только без подробностей, – ровным голосом попросил Серёжа и ушёл.

– Ничего себе он у тебя, – восхищённо нахмурилась Лолита, пока Маша воспламеняла плиту и жонглировала тарелками. – В жизни намного симпатичнее, чем на фотографиях.

– Да, – подтвердила Зоя. – Красивый парень.

– Такой, знаешь, – Лолита возвысила руку, подбирая слово. – Породистый. И серьёзный. Серьёзный – на сто процентов, – Лолита рассмеялась.

– У него очень строгий взгляд, – вставила Зоя.

– Скорее напряжённый, чем строгий, – сказала Тамара. – Он чем-то озабочен.

– Весь затурканный, – вздохнула Маша, присаживаясь за стол. – На работе устаёт. Домой придёт – в Интернет, новости читать. Он очень переживает.

– Ещё бы, – сказала Тамара.

– Он такой, что называется, мужественный, – словно не слыша их, продолжала Лолита.

– А ты всё не успокоишься, – Маша польщённо засмеялась.

– Такие мужчины сразу все женские взгляды собирают. Что-то в них есть (спокойствие? уверенность?): смотришь и сразу понимаешь – вот какому надо быть женой.

Маша мечтательно улыбнулась.

– А показать бы тебе его, когда ты рыдала из-за Донова, – звонко проговорила Тамара.

Все трое перевели на неё взгляды.

– Ты это помнишь? – продолжала Тамара с меланхоличной ухмылкой. – Безутешно: он меня не любит, жизнь кончена. Я ей: да вытри сопли, в сто раз лучше себе найдёшь. А она: мне никто не нужен, жизнь кончена.

– Ладно, ладно, – смутилась Маша. – Из-за Донова кто только не рыдал тогда. Даже Ольга в него была влюблена.

– Была, – призналась Лолита. – Правда, недолго.

– Я не рыдала, – возразила Тамара.

– Естественно, он же в тебя был влюблён, – воскликнула Маша.

– Ничего подобного, – Тамара категорично качнула головой. – Зоя ему нравилась. Безответно.

Лолита бросила короткий взгляд на Зою.

– Знаки внимания он тебе оказывал, – урезонила её Маша.

– Это чтобы Зою позлить, – Тамара насмешливо покосилась на Зою, которая с отсутствующим видом раздавливала крошки на скатерти.

– Не сложновата ли интрига для подростка? – усомнилась Маша.

– Не для этого, – убеждённо возразила Тамара. – Там всё с такими переподвыпертами, – Тамара скрестила растопыренные кисти. – В этой голове.

– Тебе виднее, – согласилась Маша и добавила глумливо. – Ты с ним ближе всех была знакома.

– Не так уж близко, – парировала Тамара. – Но достаточно, чтобы раскусить этот типаж. Такой себе покоритель подростковых сердец. В молодости такие многим нравятся: чтобы был горячий, мутный и непременно псих. Потом мозгов наживаешь, конечно, и уже понимаешь, что для жизни другое требуется. Но тогда – ничего удивительного, что я, как все, на него повелась. Мне, конечно, хотелось верить, что это взаимно – когда он ко мне заезжал. Но меня-то не обманешь. Я быстро просекла, что это напоказ, пару раз увидевшись с ним наедине: у меня было ощущение, что я в театре и смотрю пьесу.

– Ты меня сейчас просто ошарашила, – слотнула Маша. – Такие подробности выясняются. Я-то была уверена, что у вас была любовь.

Тамара хмыкнула и с широкой улыбкой посмотрела на Машу.

– И то, что он на Зою запал, я тоже почти сразу поняла. Никто этого не выкупал, кроме меня.

– Какие страсти, – поразились Маша, переглядываясь с сосредоточившейся Лолитой. – И что, ты ему это предъявила?

– Конечно, но он съехал с темы. Тем самым подтвердилось. Н-да, интересно, до чего он дожил. Подожди, – Тамарино лицо осинённо вытянулось. Она метнула вопросительный взгляд на Зою. – Подожди, ты же с ним... Это же твой... Вы же с Доновым всё ещё общаетесь?

Зоя заторможенно кивнула.

– Серьёзно? – Маша загорелась. – Вы с ним...?

– Мы приятели, – поспешно созналась Зоя. – Иногда видимся, а так, в основном, в сети.

– Так расскажи же нам, – потребовала Маша. – Что он там?

– ... Он окончил художественное училище. Потом философский факультет...

– Философский? И чем же он занимается?

– Сейчас он нигде не работает, – помедлив, сказала Зоя. – А занимается он сотней разных дел. Одно надоедает – принимается за следующее.

– А на что же он живёт? – ужаснулась Маша.

– На роялти.

– Он что-то запатентовал? – увлечённо спросила Тамара.

– Да. Он изобрёл прибор для ловли насекомых в труднодоступных местах. Заказал патент ради шутки, а штукавина стала пользоваться спросом у туристов и дачников, а потом за границу продали ноу-хау, так что Петя сорвал небольшой куш. В понимании многих это копейки, но ему хватает. От случая к случаю он продаёт картины. Например, пару месяцев назад ему понадобилось пианино, он продал четыре картины местным арт дилерам.

– Он не женат? – спросила Лолита.

Зоя покачала головой.

– Естественно, – вставила Маша. – Ну, а в целом как? Как он выглядит?

– Нормально, – Зоя пожала плечами.

– Ну, у него есть какие-то цели? Семья, там? Работа человеческая?

– Этого я не знаю, – Зоя поджала губы. – Он такой человек... спонтанный. Я не удивлюсь, если завтра он заявит с обручальным кольцом, и равно если будет балагурить до старости. А вообще, он производит впечатление очень довольного человека.

– Значит, как был психом, так и остался, – подытожила Тамара. – По женской части по-прежнему отказа не знает?

Зоя вздрогнула от собственного смешка и выразительно кивнула.

– А у вас с ним какие отношения? – вкрадчиво вмешалась Лолита.

– Хорошие, – возбуждённо хохотнула Зоя.

– Расскажи нам!

– Да нечего рассказывать. Ну, общаемся...

– Как близко?

Зоя поколебалась.

– Достаточно, чтобы сказать, что мы друзья. Приятели, скорее. Ну, друзья – приятели: где здесь грань.

– А Тамара не верит в дружбу между мужчиной и женщиной, – провокационно заявила Лолита. – Правда, Тамара?

– Не так категорично, как раньше, – снисходительно отозвалась Тамара.

– Ты же сама сказала, что Донову Зоя нравилась. Все предпосылки, – настаивала Лолита.

– Ну, согласишься, что всё-таки не все.

Лолита умолкла, сверля Зою неудовлетворённым взглядом.

– Ты говорила о нём с гордостью, – констатировала она.

– Так и есть, – охотно признала Зоя и, приподняв брови, улыбнулась.

Солнце на бронзовых коленях. Волоски блестят, тонкие, белёсые. Муха среди них, как воздушный змей в колосьях пшеницы. Крылья переливаются. Сосредоточенно натирает смычки лапок. Взмах. Пацанский запах. Рука проходит рядом с её коленом, сгоняя муху. Чужая рука. Ещё более загорелая, чем колено. Ложится на чужой лоб сцарапать с него какую-то мошкарку. Чужие губы кривятся в неосознанном пренебрежении к собственным прошлым и будущим подвигам. Такие непривычно крупные. Такие ничейные.

– Зачем ты её согнал? – Зоин голос, нравоучительно-дружелюбно-интересующийся. Как у маленькой девочки, которая спрашивает отца, зачем удочке требуется грузило. Умильный и раздражающий.

Он. Косится сверху вниз, не поворачивая головы и прищурившись. Глаза выглядывают из карманов век: сами видят, но не показываются. Ресницы втраптырку. Моргает. Смотрит непроницаемо.

– Укусит, – отвечает.

– Ты думаешь? – ужас, но разве мухи кусаются?

Фыркает со смешком, глаза включаются, сканируют, мерцают при сканировании. Глаза шамана – никаких тебе «ждите, процесс считывания мыслей выполнен на 68 процентов» или «зонд погружён, нажмите „разрешить“ для отбора грёзоматериала» – месит аналитическое тесто, сдобряя мантрами. Видит всё и потом воспроизводит, аранжированное на свой лад, выпячивает чужое считанное. Мухи, много мух, наэлектризованные волосы, ток зигзагами промежду них, разбухшие поры. Редко-редко освежающий порыв ветра. Передние лапки, цепляющиеся за волосы. Крылья, переливающиеся всеми цветами радуги.

– А ты думала, она прилетела, чтобы почухать тебя?

Донов. Его фамилия Донов. Из пятого-Вэ. Точно? В смысле, а как он выглядит? С острыми ушами. Но у того, вроде бы, не было... Это наверняка он. Донов. Зоя. Зоя Донова, пятый-Бэ. А Донов из пятого-Вэ – это вы?...

Второй этаж. Коридор. Каменный пол. Батарея под каждым подоконником. Окна напротив каждой двери. Дверь в класс. Свеже покрашенная стена. Дверь в класс. Потолок. Свежая побелка. Дверь в класс. Медленнее. Стенгазета ко дню учителя. Слюнявые тишки. Групповые фотографии. Мерзкий почерк редактора. Изнасиловавшего высохший

маркер, чтобы название смотрелось ярче. Дверь в класс. Длинный коридор второго этажа позади. Его до сих пор нет. Неужели ему интересны проповеди географички? Неужели ему не захотелось под любым предлогом вырваться из этой семинарии? Будь это Охрана жизни или Музыка, было бы понятно, что он занят морским боем или клабаром, но гейография не допускает полного беспредела. Правда, записки, если передавать по низу с внимающим лицом, чаще всего проходят. Кому он может писать? Пятый-Вэ – это... Лиза Гусева. Алёна Мирошниченко. Ещё, допустим, Катя Гуляк. Остальные уродины. Ах, ещё Юля Вдовенко. И Лена Кудрявцева. И вторая Катя... как её... Он может писать записки весь урок любой из них. Или каждой. А вдруг у них интересная тема? Флора Курильского архипелага? Дверь, дверь, последняя. А вдруг у него вообще другой урок? Ведь сегодня четверг? Лестница. Голубые перила. Каменные ступени. Широкие, невысокие. Удобные ступени. Третий этаж. А вдруг... Коридор третьего этажа. Дверь в класс. Слишком быстро дверь в следующий. Нельзя так торопиться. А вдруг, по закону подлости, именно в этот момент... А вдруг, понадобится журнал. Это на третьем в учительской. А если выйдет сейчас, успеет исчезнуть... Он быстро ходит. Площадка перед лестницей, скорее вниз. Спускаться намного прикольней, чем подниматься. Вприпрыжку. Хроменькая припрыжка. Тыг-дыг, пауза на взлёт, тыг-дыг – приземление. Жаль, что по лестнице нельзя спускаться в обе стороны, или выбирать, когда подниматься, а когда спускаться. Это можно было бы, если управлять направлением гравитации... Но если бы так, всё было бы... Нет, всех последствий не вообразить. Даже малой доли последствий не вообразить. Например, всем пришлось бы побриться наголо, иначе волосы стояли бы дыбом? Был какой-то глупый фильм про соединённые планеты с разной гравитацией. И что там было – не вспомнить. Лестничная площадка на втором этаже. Расписание. Четверг. Пятый-Вэ. Математика, физкультура, география. География – однозначно. А вдруг... она заболела, и у них замена... Второй этаж. Длинный-длинный коридор впереди. Посреди коридора створка двери плавно движется к стене, касается её негрубо и почтительно отступает на полшага. Сосредоточенный профиль под лохматой гривой вырывается из сонмища пятого-А. Дверь за ним закрывается. Поворачивает безразмерную свою бабку, замечает и машет Зое рукой. Потом чешет в туалет. Костя Арбузов. Симпатичный парень.

Зоя Донова слишком долго отсутствует в классе. То есть, Зоя Шелест. Надо возвращаться, не то подумают, что ходила по-большому. Это ужасно. Обязательно какая-нибудь тварь будет коситься, воображая, что она была по-большому.

Над обугленными стенами главного зала санатория поднимается дым – в выпускной бал ударила молния экспромта.

– Hello, hello, hello, how low, – дорёвывает раздражённая толпа выпускников, которую обломали ровно на середине первого припева подоспевшие ветераны нравственности и бойцы с чрезвычайными ситуациями во главе с завхозом-неврозом.

– Хитрый чёрт! Он добавил мелодию в плейлист! – орёт, перекикивая разочарованно воющих подростков, освобождённый из подсобки ди джей.

Закованный в объятия своей классной руководительницы, главный нарушитель и несостоявшийся громовержец Донов пребывает в той крайней степени недоумения, которую нормативная лексика безбожно искажает, ибо сам не понимает, как вдруг зазвучала песня, ведь он так и не успел её включить, будучи силой оттянут от пульта. Будь за его спиной завхоз-невроз, Донов, не раздумывая ни секунды, дал бы ему по морде и нажал бы злосчастную кнопку, но спасатели предусмотрительно натравили на Донова женищину, хуже того – его классную руководительницу. Противостоять ей Донов не мог ни нравственно, ни – в силу её баснословных габаритов – физически. Беспощадно матерясь на самого себя, он чуть было не сломал злобно стиснутые зубы. Чтобы он, Петя Донов, стерпел песню Пугачёвой в качестве финальной на своём выпускном? Все, кто хоть немного знали Донова, были уверены,

что он этого не допустит, остальные – надеялись. Если бы пришлось, он бы того ди джея не то что в подсобке запер, он бы его частями в холодильник сложил. Но только Донов точно знает, что ни в какой плейлист он песню не включал. Он придумал и реализовал такой план! И споткнулся на последнем шагу. Просто не успел. И вдруг на него, уже готового к казни первыми нотами «Ближних людей», повеяло юностью помилования. Пусть эти варвары зарубили Кобейна уже через полминуты, но, по крайней мере, ни о какой Пугачёвой речь уже не идёт. Ударил таки молния! Совершилось! Но как? Как это получилось, – вот самый главный вопрос.

Санаторий приходит в чувство после катастрофы. Пострадавшие эвакуируются к столу, особо впечатлительные отправляются на перекур, большинство остаются на своих местах, постепенно начиная скандировать в поддержку Донована и Кобейна. Учителя делают робкие попытки утихомирить бунтовщиков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.